

А.В. Вознюк

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКИХ ЗНАНИЙ**

Житомир, 2007

УДК 11; 122
ББК 87

В 64 **Вознюк А. В. Синергетические основания в системе философский знаний. – Житомир: Изд. ОИСЗ, 2007. – 63 с.**

ISBN 5 – 86868 – 033 – 3

Рассматриваются синергетические основания в системе философский знаний. Книга адресована ученым, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется проблемами комплексного изучения человека.

ББК 87
© Вознюк А. В., 2007

ISBN 5–86868–033–3

СОДЕРЖАНИЕ

О “ТРЕТЬЕМ ПУТИ ПОЗНАНИЯ” И ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ, АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАКТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИЯХ.....	4
ТЕХНОЛОГИИ ДОСТИЖЕНИЯ АКМЕ СРЕДСТВАМИ СИ- НЕРГЕТИКИ.....	20
СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.....	22
ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА И АГРЕССИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	24
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГ- МЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	26
СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ.....	28
ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЙ И МИРОВОЗ- ЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	32
СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.....	33
О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ И ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ИСТО- КАХ ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ЕГО СУЩНОСТИ.....	34
НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ИДЕАЛА ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ.....	40
МЕЖПОЛУШАРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СНОВИДЕНИЙ И ИХ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РОЛЬ.....	46
К ПРОБЛЕМЕ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗО- ВАНИЯ.....	56

О “ТРЕТЬЕМ ПУТИ ПОЗНАНИЯ” И ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ, АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИЯХ

*Давно меж мудрецами спор идет –
который путь к познанию ведет?
Боюсь, что крик раздастся: “Эй, невежды!
Путь истинный не этот и не тот”*

Омар Хайям

Издавна мир балансирует на грани рациональной и иррациональной стратегий познания и освоения действительности, обращающихся вокруг некой “центральной точки” – “третьего пути познания”, в которой рациональное и иррациональное, являющиеся, в известном смысле антагонистами, приводятся к гармонии. Можно говорить о некой общей психофизиологической, логической и мировоззренческой “территории”, на которой рациональное и иррациональное приходят к единству.

Данный вывод вполне правомерен, так как рациональный путь познания мира базируется на аксиоматической иррациональной основе, которая лежит в фундаменте науки как формы общественного сознания. Л. С. Берг писал, что основной постулат, с которым естествоиспытатель подходит к пониманию природы, заключается в том, что в природе вообще есть смысл, что ее возможно осмыслить и понять, что между законами мышления, с одной стороны, и строем природы, с другой, есть некая предустановленная гармония; и без этого молчаливого допущения невозможно никакое естествознание.

Можно сказать, что современная наука и философия оперируют вероятностными, потенциально-возможными категориями, базирующимися на определенных иррациональных принципах, в которые верят. В науке и философии вера в определенную закономерность полагается в истоках движения мысли, поскольку язык науки – это логика, которая как сущность, всё принципиально доказывающая, сама покоится на аксиомах, имеющих “логический иммунитет”. С этим обстоятельством связана известная ограниченность логического мышления, поскольку полное логическое обоснование всех без исключения положений любой теории принципиально невозможно. Это иллюстрирует теорема неполноты К. Гёделя, которая гласит, что в достаточно богатом формализованном языке есть истинные утверждения, которые принципиально невозможно доказать (или опровергнуть) с помощью средств, формализованных в границах этого языка.

Данное обстоятельство обнаруживает проблему реальности мира. Как признает материалистическая философия, истина о реальности мира не является вопросом теории, но практики и здравого смысла. Таким образом, вопрос о реальности нашего мира не входит в прерогативу чистой теории (Р. Карнап). Как писал В.Гейзенберг, значения всех понятий и слов, которые образуются с помощью взаимодействия между ми-

ром и нами самими, не могут быть точно определены, поэтому путем только рационального мышления нельзя прийти к абсолютной истине.

Вот почему сейчас в науке актуальным есть поиск кроме логических и внелогических, иррациональных критериев рационального знания, формирующих основания для концептуализации парадоксального принципа единства мира (который фиксирует квантовая физика, утверждающая, как пишет И. З. Цехмистро, что Вселенная на ее фундаментальном квантовом уровне является единым нерасчленимым комплексом), требующего коренной переоценки научных “ценностей”, а это в свою очередь предусматривает, прежде всего, интеграцию научно-теоретического и религиозно-мифологического способов познания мира, разработку принципиально новых системных универсалий, формирование новых обобщений, развитие новой неклассической (тоталистической, холистической, синергетической, нелинейной, постнеклассической) научной парадигмы.

Исследования мира под углом зрения этой новой научной парадигмы И. Пригожина, Р. Шелдрейка, А. Янга, Ф. Чу, Д. Бома, К. Прибрама, Ф. Капры, Ст.Грофа, В. Г. Казначеева, Н. А. Козырева, И. З. Цехмистро, В. В. Кизимы и др. создают ситуацию, когда западная наука приближается к сдвигу парадигмы, который изменяет наше понятие о реальности и человеческой природе, которая перекидывает мост через брешь между старинной мудростью и современной наукой, примиряет восточную духовность с западным догматизмом.

Развитие нелинейной парадигмы познания мира было вызвано целым рядом научных открытий, не укладывающихся в прокрустово ложе классических представлений. Обнаружившиеся в начале XX века Б. Расселом, Ж. Ришаром, К. Греллингом А. Эйнштейном и другими антиномии познания и парадоксы бытия поставили под сомнение правомерность существования фундаментальных понятий наиболее “точных” наук, таких как логика и математика. Принцип “самоочевидности” научных аксиом оказался недостаточным по отношению к открывшимся противоречиям в основе математической теории множеств, к результатам, полученным в области неевклидовых геометрий, к парадоксам корпускулярно-волновых свойств света и др. Исследователи приходили к выводу, что прямое восприятие бытия, воплощающееся в абстрактных понятиях и законах, обнаруживает пренебрежение некоторыми сторонами реальности, при описании которой наука утратила некое глубинное связующее звено, а такие несводимые друг к другу феномены, как материя и сознание могут быть лишь вложенными друг в друга проекциями более фундаментальной сущности, не являющейся ни материей, ни сознанием в чистом виде (Д. Бом).

С позиции новой научной парадигмы мир рассматривается как единое целое, что подтверждается изучением как физической, так и психической реальностей. Квантовая физика обнаружила феномен принципиальной методологической изоморфности единого и множественного, однозначного и многозначного, когда мир на его макроуровне членит на отдельные объекты, но на фундаментальном квантовом

уровне представляет собой единый нерасторжимый комплекс, в котором такие понятия и категории, как единое и множественное, часть и целое, простое и сложное, внутреннее и внешнее не дифференцируются, а квантовые системы коррелируют по принципу непринципиальной, несиловой связи (см.: парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена, суть которого в том, что разлетающиеся в разные стороны осколки сложного ядра мгновенно имеют информацию друг о друге) [1]. На квантовом уровне человек (наблюдатель) оказывается неразрывно связанным с миром и выступает его "бытийным инициатором", то есть "порождает" мир только одним своим присутствием. Здесь мы имеем "принцип соучастия" современной физики (гласящий, что физические объекты принципиально неотделимы от их восприятия нашим сознанием, от нашего влияния на эти объекты), воплощающийся в антропном космологическом принципе, исходящем из понимания человека как активной и органичной части космоса и Вселенной [2]. Антропный принцип (антропные космологические аргументы [3]), или принцип космологического дополнения [4], основывается на факте, установленном астрофизиками: возникновение разумной жизни вытекает из структуры физического мира и особенностей развития Вселенной. Но вероятность возникновения этой структуры приближается к нулю, поэтому следует предположить, как считают ученые, что или одновременно существуют все возможные миры, которые только можно вообразить, в одном из которых имело место совпадение, согласование множества факторов и величин, или что наличествует некий скрытый принцип, организующий Вселенную определенным образом [5]. Дело в том, что множество физических величин и физических констант, характеризующих нашу Вселенную, оказываются очень тонко подогнанными друг к другу и взаимно согласованными. Незначительные изменения только одной из них или только одного физического условия существования мира приведет к его гибели. То есть Вселенная существует в очень узких физических рамках, когда изменение одного из элементов мира повлечет за собой кардинальное изменение мира в целом. Здесь целое и часть оказываются изоморфными и все множество элементов Вселенной должно быть лишь проекцией единой сущности, иначе эти элементы не могли быть столь гармонично взаимно согласованными. Одним словом, Вселенная, в которой мы живем, является подлинным чудом.

В сфере психической реальности мы также находим подтверждение приведенным положениям, которые находят свою иллюстрацию в феномене непринципиальных синхронических связей, анализируемых в трудах К. Юнга, В. Паули, П. Девиса, Н. А. Козырева и др. О них в 1955 году К. Юнг писал в книге "*Синхронность и человеческая судьба*" как о явлении, пересекающем пространство-время и упорядочивающем события, когда "потоки" физической и психической реальностей приобретают параллельное значение. При этом может обнаруживаться совпадение психического состояния наблюдателя с одновременным внешним событием, которое соответствует этому психическому состоянию, при отсутствии очевидной причинной связи между ними. В качестве примера

Юнг приводит случай из своей практики, когда одна из его пациенток в критический период своего личностного развития увидела сон, в котором ей давали золотого скарабея (являющегося на Востоке символом возрождения). Во время психотерапевтического сеанса, когда она рассказывала этот сон, Юнг услышал шум ударявшегося в оконную раму насекомого. Когда же Юнг открыл окно и поймал насекомое, то обнаружил, что это ближайший аналог золотого скарабея, когда-либо встречающегося в тех широтах, и который, вопреки своим привычкам, пытался проникнуть в темную комнату как раз в момент рассказа пациентки. Интересно, что именно это усиление значения сна появлением реального “скарабея” и привело к желаемому положительному сдвигу в психологическом развитии женщины.

Юнговский феномен непрямых синхронических связей обнаруживается в сфере трансперсональной психологии Ст. Грофа, который в книге *“Путешествие в поисках себя”* [6] пишет об особых измененных состояниях сознания, названных трансперсональными, так как они позволяют трансцендировать (преодолеть) рамки пространства и времени нашего феноменального мира, давая человеку возможность выйти за пределы самого себя.

Среди дисциплин и понятий, внесших свой вклад в это кардинальное изменение мировоззрения, можно назвать квантовую-релятивистскую физику, астрофизику, кибернетику, теорию информации и теорию систем, теорию морфического резонанса, пригожинскую теорию диссипативных структур, бомовскую теорию холоддвижения, голографическую модель мозга, янговскую теорию процессов, теорию физического вакуума и торсионных полей и др.

Итак, наука определенным образом легитимизирует иррациональный аспект познания и освоения мира, вводя его в сферу научного исследования. С другой стороны, религии как форме общественного сознания, которая ориентируется в основном на иррациональный путь постижения мира (“верую, потому что абсурдно”, “пути Господни неисповедимы”...), не чужды рационалистические построения. Как писал епископ Сильвестр, “истины веры могут и должны быть предметом живой деятельности разума”. Епископ Николай отмечал, что противоположность веры и разума есть видимой частью их отношений, поскольку “разумное знание в своей окончательной основе переходит в веру, а вера, в свою очередь, переходит в знание” [7].

Можно сделать вывод, что нарождающаяся новая научная парадигма предполагает соединение рационального и иррационального подходов к познанию мира, каждый из которых как отдельно взятая сущность оказывается неспособным к адекватному отражению мира. Данный вывод иллюстрируется феноменом асимметрии полушарий головного мозга человека. В. Л. Деглин, изучая полушарные особенности отражения окружающего мира, и в частности его пространственные характеристики, пришел к выводу, что оба полушария преломляют пространство ошибочным образом, однако эти ошибки имеют прямо противоположный характер, когда для левого полушария характерно рас-

ширение пространства, а для правого – приближение отдельных элементов к наблюдателю. То есть левое полушарие стремится дистанцировать человека от пространства окружающей среды, а правое – интегрировать человека в нее. Однако функциональная согласованность полушарий, компромисс между ними приводит, как пишет В. А. Деглин, к выравниванию пространственной деформации, то есть достигается адекватность восприятия объемного пространства на плоскости сетчатки глаз, когда объемное и плоскостное, являясь геометрическими антагонистами (что демонстрируется дихотомией геометрий Евклида и Н.И. Лобачевского) гармонизируется и приводится к общему сенсорному и когнитивному “знаменателю”.

В целом можно сказать, что существуют три способа, или уровня, отражения и освоения человеком действительности: 1) конкретно-чувственный, эмоционально-образный, правополушарный; 2) абстрактно-логический, теоретический, левополушарный, 3) парадоксально-медитативный, сочетающий первые два способа (энцефалографические исследования показывают, что в медитативном состоянии – “промежуточном” между сном и бодрствованием – полушария мозга, выступающие в обычном состоянии по отношению друг к другу, в известном смысле, функциональными антагонистами, функционально взаимно согласуются), когда в одном индивиде сочетаются две полярные стратегии отражения и освоения действительности – художественная и мыслительная. Здесь человек предстает гармонической личностью, характеризующейся балансом противоположностей, а отсюда – колоссальной мощью, ибо, как отмечает П. Вайнцвайг, гармония как баланс противоположностей несет в себе огромное напряжение, а поэтому и колоссальную мощь [8].

Первый уровень постижения бытия есть уровень художественного мирозерцания, свойственного не только художникам и детям, но и дикарям. С позиции данного уровня мир постигается и осваивается иррациональным образом – многозначно и симультанно, как некое конкретно-чувственное, континуально-полевое целое, отражается прямо, непосредственно, метафорически, наивно, упрощенно и многозначно, в духе полного доверия и открытости, с позиции “здесь и теперь”, динамически, континуально-непрерывным образом, религиозно-мифологически [9], сакрально-ритуальным образом (по принципу анимизма и партиципации, согласно Л. Леви-Брюлю), в русле всеобъемлящей “космической симпатии” древнегреческих философов, эмпатически, когда человек сливается со средой своего существования, а субъект и объект познания приводятся к единству, обнаруживая принцип альтруизма – идеологию приспособления к миру посредством изменения самого себя. С позиции такого чувственно-художественного восприятия мира вся жизнь человека сакрализуется, утрачивается принципиальное различие между поступками и ритуальными действиями, а мир представляется в виде некой сверхценной сущности.

Второй уровень постижения бытия – уровень мыслительно-рационального миропонимания, свойственный ученому, взрослому че-

ловеку, нашему современнику и характеризующийся рационально-прагматическим, опосредованным, инструментально-манипуляционным, однозначным подходом к рассмотрению феноменов действительности. С позиции данного уровня мир отражается и осваивается дискретно-множественным, дискурсивно-концептуальным, схематичным, “мертвенным” образом как некое дискретно-вещественное множество, отражается непрямо, опосредовано, сложно, в духе скептической рефлексии, закрытости, статичности, научно-теоретически и/или банально-обыденным образом, в русле атомизированного, дробящего все на отдельные элементы анализа, что позволяет человеку выделиться из среды своего существования и кристаллизоваться в изолированную, личностно-индивидуальную сущность, разводящую субъект и объект познания по полюсам, отражающую мир принципиально биполярно-антиномически, обнаруживая принцип эгоизма и возможность приспособляться к среде путем ее изменения, путем волеизъявления как способности совершать выбор во множественно-дискретном мире (его философ-интуитивист Н. О. Лосский назвал “психоматериальным царством относительно непроницаемых форм”), который предстает в виде схематичного набора онтологических сущностей, приведенных к выхолащенно-абстрактным формам, познаваемым принципиально опосредовано.

Третий уровень постижения бытия представляет собой парадоксальное единство первых двух уровней, когда мир оказывается столь же однозначным, сколь и многозначным, столь же чувственно выражаемым, сколь и умопостижимым, столь же единым, сколь и множественным, как абстрактным, так и конкретным, одинаково реальным и нереальным, иллюзорным. Словом, здесь мир воспринимается и осваивается парадоксальным образом в духе творческого, просветленно-эвристического миропонимания.

Философский принцип единства мира позволяет нам заключить что, подобно тому, как развитие Вселенной идет от полевого плана (микромира) к вещественному плану (макромиру), а от него – к их синтезу и выходу в область парадоксально-интегрального бытия (жизни) как единства энтропийной и негэнтропийной тенденций развития Вселенной, так и эволюция человека в онто- и филогенезе, как показывает психология, идет от правополушарного психического модуля (у ребенка) к левополушарному (у взрослого), а от него – к их синтезу (у пожилого человека). Здесь обнаруживается состояние функционального синтеза полушарий, когда пожилой человек, обогащенный жизненным опытом, по сути превращается в ребенка с его пластической психикой и непосредственностью восприятия мира

Наш вывод согласуется с мнением Ю.А. Урманцева, который пишет о трех типах постижения бытия человеком [10]: чувственном (то есть правополушарном), рациональном (то есть левополушарном) и медитативном. Повторим, что, как свидетельствуют энцефалографические исследования, медитативное состояние происходит из функционального синтеза, гармонии полушарий, когда их работа в психофизическом смысле согласуется [11]. Можно сделать вывод, что разви-

тие человека проходит от чувственной к рациональной, а от нее – к медитативной форме постижения мира и его освоения.

Данный вывод находит свое воплощение и в эволюции логики как науки. Здесь мы наблюдаем движение от эмпирической (наглядно-образной, наглядно-действенной дологической правополушарной) логики древних, основывающейся на принципе “все во всем” к классической “дискретной” логике. Следует отметить, что именно на этапе древней логики оттачивались аксиомы классической логики. Ленин писал, что “практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом”. Как видим, аксиома есть “повторяющаяся”, синхроническая, циклическая сущность, дающая начало логическому (аналитико-диахроническому, дискурсивному) линейному движению мысли. В свою очередь двузначная классическая логика сменяется трехзначной (многозначной) синтетической логикой, что дает основание и для трехзначной философии и культуры. В синтетической логике больше не действует закон исключенного третьего, как и в индийской логике, где между любыми двумя полярными категориями устанавливаются четыре равновероятных (равноправных) отношения, ни одному из которых здесь не отдается предпочтения. В рамках синтетической логики (в отличие от классической аристотелевской логики) между А и не-А наличествует третья возможность. Данную трехзначную логику можно с полным основанием назвать диалектической, которая, по словам Б.Д. Кедрова, оперирует, в отличие от классической логики, изменчивыми, развивающимися, “текучими”, то есть континуально-симметрическими понятиями.

Проанализируем естественнонаучный аспект реализации “третьего пути познания”. Здесь мы остановимся на анализе динамики двух планов организма, право- и левополушарного, которые, как учит психология, функционально дополняют друг друга и поочередно сменяются в процессе жизнедеятельности, фиксируя промежуточную, граничную фазу, в которой эти планы сплавляются и взаимно трансформируются. На практике данный процесс естественным образом реализуется в сфере принятия решения, решения проблемы, которая актуализируется сначала на уровне правого мотивационного полушария как феномена наглядно-действенного, предметного мышления, то есть на уровне конкретной поведенческой ситуации. Далее процесс решения проблемы пересекает граничную нейтральную “нулевую” точку, промежуточную между право- и левополушарными функциями (где полушария функционально синхронизируются), что сопровождается трансом, выходом на интуитивно-эвристический, парадоксально-медитативный уровень постижения мира, где и обнаруживается “третий путь познания”. Затем процесс перетекает в сферу левополушарных функций, где результат “третьего пути” преобразуется в абстрактно-знаковое содержание, либо в волевой импульс (известно, что волевое усилие реализуется на уровне левого полушария), что и выступает в виде результата решения проблемы.

Переход через ноль (неравновесное состояние, которое изучает синергетика) и выход на качественно новый уровень актуализации того или иного явления – есть выражение схемы магических действий, которые, как полагали мистики, призваны преодолеть инертность стихий природы. Данный механизм мы встречаем у В. И. Леви под названием “эхо-магнит”, который предлагает способ преодоления собственного слабоволия, нерешительности: сначала человек актуализирует свое желание (у нас это правополушарный мотивационный процесс); далее он достигает психического состояния тотального отказа от своего желания, безволия и протрации. Потом при выходе из состояния протрации желание естественным образом исполняется, так как воля к совершению того или иного действия значительно активизируется (что реализуется на уровне левого полушария). Данная схема в буддизме согласуется с четырьмя уровнями постижения реальности человеком: “На первой и второй стадиях иллюзию преодолевает соответственно субъект и объект... На третьей стадии отбрасываются и субъект, и объект, но различие между ними все еще остается. Этот уровень отрицания относится к состоянию сознания в предельно напряженном созерцании. Только на четвертой стадии достигается отсутствие всех противопоставлений субъекта и объекта. Реальность осознается в ее окончательном единстве” [12].

Можно сказать, что любой процесс перехода из одного состояния в другое обнаруживает “ноль-переход”, некое пограничное состояние, “чистую экзистенцию”, характеризующуюся пространственно-временной парадоксальностью, ибо здесь прошедшего, по выражению Блаженного Августина, уже нет, а будущего еще нет.

Целью развития человека можно полагать состояние целостности. Достижение данного состояния предполагает процесс слияния противоположностей. Единство противоположностей (которое С. Б. Церетели называет Истиной) в плане цикло-континуальном может пониматься как замыкающийся на себя процесс развития человека, как круг (когда человек понимается как уже изначально заключающий в себе цель своего развития), а в плане линейно-диахроническом целостность может интерпретироваться в виде перехода из одного динамического состояния в другое, в виде точки, границы между этими двумя различными (и противоположными) состояниями, в которой, говоря языком линейного детерминизма, причина переходит в следствие, когда предыдущего состояния уже нет, а последующего еще нет.

Таким образом, целое (или нулевая реальность, “третий путь познания”) есть точка метаморфозы, преобразования одного в другое. Целое как парадоксальная сущность отражается в понятии “эволюционной середины” (в синергетике – “точки бифуркации”), или “переходной ступеньки” от одного качества к другому, в сфере которой старого качества уже нет, а нового – еще нет. Её Аристотель, Гегель и иные философы называли “средним термином” по отношению к понятиям, которые фиксируют изначальное и завершающее качественное состояние объекта, развитие которого анализируется.

Как бы мы не характеризовали “нулевую реальность” (или “третий путь познания”), суть остается одной: она, выражаясь языком метафоры, является вратами к бессмертию и вечной подлинной жизни, целью и смыслом всякого существования. Каждое мгновение, минуту, час, год мы “пересекаем” эту реальность, долго в ней не задерживаясь и одновременно пребывая с ней вечно (как показали некоторые исследователи, мгновение и вечность, по сути, представляют собой одно и то же). Она наделяет нас чувством освобожденности, покоя, высшим блаженством. Занимаясь различными делами, вовлекаясь в те или иные формы жизнедеятельности, мы, не отдавая себе отчета, “генерируем”, “добываем”, актуализируем эту реальность, ибо всякая активность, будучи изменением, развитием, движением, осуществляется волнообразно, колебательным, синусоидальным образом, а любая волна в процессе саморазворачивания фиксирует нейтральные нулевые фазы, графически представленные на синусоиде в виде нулей функции.

Явление нуль-перехода находит воплощение в так называемом паранормальном феномене “туннельного перехода” (телепортация и др.). Тут можно говорить и про гипотезу вакуумного состояния пси-явлений, оказывающихся способными к делокализации в метрическом физическом пространстве и времени. Из чего вытекают свойства новой пространственно-временной формы движения материи, обнаруживающие многомерность и цикличность времени, неоднородность и анизотропность, многомерность и прерывность пространства, имеют одновременно микро- и макромасштабный характер. Можно говорить и о несиловых явлениях, о гипотезе теленейтрального поля и других явлениях, которые фиксируются в русле новой научной парадигмы, открывающей многомерные формы материи (корпускулярные виды, бозоны, барионы, полевые формы, резонансные частицы, космические струны, виртуальные частицы физического вакуума, виды материи, которые формируются мозгом человека (мыслеформы, мыслеобразы, психические поля), биомагнитные поля, силовые поля плазменно-вакуумной природы, тепловые и акустические биофоны, микро- и макролептонные оболочки, импульсные биомагнитные поля. Наука занята поиском физического агента, с помощью которого осуществляются пси-явления; некоторые исследователи полагают, что этот агент характеризуется удивительными свойствами: в нем одновременно сосуществуют макро-, микро- и мегамиры; как явление микромира он подчиняется вероятностным законам, законам квантовой статистики, кванто-механическому туннелированию, принципу нелокальности; как макроявление он способен многосторонне взаимодействовать с внешним миром и переходить в любые частицы, поля и излучения; а как мегаявление он владеет релятивистскими и сверхрелятивистскими скоростями, способен менять свойства времени и пространства, способствуя их взаимной трансформации.

Таким образом, гипотеза “нуль-перехода” как модели “третьего пути познания” находит определенное экспериментальное подтверждение. Можно говорить о так называемых торсионных полях [13], или продольных электромагнитных волнах [14]. Что касается последних, то извест-

но, что для излучения продольных электромагнитных волн необходимо реализовать условие: изменение состояния движения осциллирующего заряда, что выполнимо только в условиях неравновесного состояния вещества [14]. То есть, здесь процесс перехода из одного состояния в другое обнаруживает реальность нуль-перехода, фиксируемого в виде парадоксального феномена продольных волн. Говоря о торсионных полях, заметим, что они образуются вращением любых материальных объектов и их геометрическими формами. Теоретическая интерпретация торсионных полей тесно связана с физическим вакуумом [13]. Торсионные поля уже по своему определению выражают суть нуль-перехода, ибо движение по кругу является перманентным процессом смены состояний тела, задействованного в движении. Кроме того, торсионные поля, как полагают, приводят к поляризации физического вакуума, который выражает идею нулевой реальности, Ничто, концептуальным образом полагающегося у истоков нашей Вселенной, которая может пониматься как голографический универсум, как “возбужденное состояние физического вакуума”.

Эволюцию человека и космоса можно понимать как таковую, которая начинается от некоего “нейтрального” центра (границы) и проходит по пути расщепления его на “правый” и “левый” модусы, причем, левый модус представлен как потенциально-возможный (негэнтропийный) а правый – как актуально-действительный (энтропийный).

В современной философии, антропологии, психологии процесс эволюции живых форм также понимается как явление расщепления фундаментальной симметрии организмов и сред, как переход от простого к сложному [15] в результате “биологического взрыва” [16]. А язык произошел в результате “большого лингвистического взрыва”. Современная космология интерпретирует процесс рождения Вселенной примерно в такой же форме, когда утверждает, что она возникла в результате “взрыва” из “симметричного” “пра-вещества” (фундаментальной вакуумной симметрии, сингулярного состояния материи и т.п.) посредством расщепления его на вещественную и полевую составляющие. Как полагает Г. И. Наан, рождение Вселенной есть процесс расщепления *Ничто* на *Нечто* и *Антинечто* (на избыточную и недостаточную сущности, плюс и минус), что приводит к актуализации всех известных физических явлений [1017]. Подобное же понимание мы встречаем в сфере религиозно-мифологической. Так в философии Даосизма сущее рассматривается как рождающееся из некоего первоначала (Тайцзи) посредством разделения его на две элементарные формы (силы Инь и Ян). “Единое в даосизме означает Абсолют в состоянии неизреченности, которое предшествует всем явлениям: его творческое начало реализуется через двойное движение – через разделение одного надвое и через новый синтез. Из этих метаморфоз возникает бесконечность” [18]. Николай Кузанский разрабатывал неоплатоническую идею эманации, вечно-го порождения неограниченным ограниченного, единым множественного, когда Бог, являясь неограниченной возможностью всего сущего, абсолютным единством, оказывается содержащим в Себе в “свернутом”

виде все бесконечное разнообразие природного и человеческого мира, способного разворачиваться, актуализироваться. Религиозно-мифологическое мышление, являясь выразителем целостно-синкретического постижения мира, проводит мысль, что все сущее создано Богом из “ничего” (2 Мак. 7, 28) посредством расщепления (дихотического разделения) его на свет и тьму (нечто позитивное и негативное, мужское и женское).

Дальнейшее развитие человека и космоса идет от правого к левому, от которого наблюдается движение к синтезу правого и левого. Это возврат к Истоку – парадоксально-граничной, двойственно-антинормичной сущности, о которой В. Сидоров в статье “*Семь дней в Гималаях*” пишет следующее: “Форма и бесформенное. Вот что такое Абсолют. Ни формы, ни бесформенного. Вот что такое Абсолют. Вечное и конечное. Вот что такое Абсолют. Ни вечного, ни конечного. Вот что такое Абсолют. Смерть и бессмертие. Вот что такое Абсолют. Ни смерти, ни бессмертия. Вот что такое Абсолют. Пусть негативное и позитивное замкнется в тебе и высечет искру Огня, стора в котором, ты обретешь слияние с Абсолютом”.

Анализ “третьего пути познания” можно осуществить на основании рассмотрения фундаментального свойства мира – движения. Философской аксиомой стал вывод о том, что взаимодействие – это первое, с чем сталкивается человек, рассматривающий движущуюся материю. Действительно, движение, являющееся неотъемлемым атрибутом материи, ее глобальнейшей универсалией, всеохватывающей тотализирующей сущностью, есть результат взаимодействия, которое в своем простейшем, а поэтому фундаментальном виде проявляется как биполярная субъект-объектная категория, выступающая наиболее общей объясняющей моделью действительности.

Данная модель приобретает колоссальную гносеологическую ценность в контексте понятийного поля, отражающего философскую традицию рассматривать мир в виде триадичной схемы: как субъект и объект (нечто внутреннее и внешнее, имманентное и трансцендентное, человек и мир, Я и не-Я) и границу между ними. Вследствие того, что граница имеет парадоксально-многозначное содержание (ибо принципиально невозможно сказать, кому она принадлежит: субъекту, объекту, им обоим, либо ни тому, ни другому [19]), субъект-объектное отношение также парадоксально, так как с позиции вышесказанного субъект и объект, с одной стороны, представляют собой единый нерасторжимый комплекс (если граница принадлежит им обоим), а с другой, – они предстают как контрарные, отдельноположные, если граница принадлежит либо одному из них, либо является нечто самостоятельным.

Субъект-объектные отношения, теоретически воплощающие в себе любые два взаимодействующие элемента нашего мира, не являются чисто умозрительной моделью действительности, поскольку, как учит современная физика, Вселенная на ее фундаментальном квантовом уровне (на уровне микромира) представляет собой единый нерасчленимый комплекс, субъект-объектные составляющие которого связываются

так называемыми непричинными имплицативными синхроническими связями, обнаруживая реальность целостной (синхронической) причинности. С другой стороны, макромир предстает пред нами в виде конгломерата относительно непроницаемых материальных форм, причинно регулирующихся принципом классического линейного (диахронического) детерминизма и взаимодействующих по схеме субъект-объектного отношения, в котором субъект и объект отдельноположны.

Таким образом, как в сфере гносеологии, так и онтологии мы обнаруживает две теоретически принципиально равноправные схемы субъект-объектных отношений, в рамках одной из которых субъект и объект интегрированы в одно симфоническое целое, а в рамках другой – они выступают дискретными сущностями.

Знание вырабатывается принципиально в процессе взаимодействия человека и мира, поэтому к нему применима схема субъект-объектных отношений, из которой следует наличие двух видов знания, признанных логиками – синтетического (иррационального) и аналитического (рационального). Синтетическое знание целостно, синхронично, в то время как аналитическое – линейно-дискурсивно, диахронично.

Философы и логики признают, что в порождающем плане синтетическое знание предшествует аналитическому. Последнее представляет собой процесс разворачивания синтетического знания в форме определенного дискурса, преломляющего ту или иную научную парадигму, выражаемую в сфере той или иной знаково-символической системы. Таким образом, аналитическое разворачивание мысли обнаруживает только то, что в ней находилось в свернутом, синтетическом состоянии. Гегель полагал, что аналитическое положение содержит в себе задачу как уже решенную саму по себе [20], а Л. Витгенштейн утверждал, что в логике процесс и результат эквивалентны, когда доказательство есть только механический способ облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена [21]. Кант трактовал синтетические суждения как расширяющие наши знания, а аналитические – как поясняющие то, что уже имелось, хотя и неявно, в посылаках [22]. Рассуждения К. Гемпеля подтверждают это: “так как все математические доказательства опираются исключительно на логические выводы из определенных постулатов, то отсюда следует, что математическая теорема, такая, как теорема Пифагора в геометрии, не утверждает ничего, что является объективно или теоретически новым по сравнению с постулатами, из которых она выведена, хотя ее содержание может быть психологически новым в том смысле, что мы не подозревали того, что оно скрыто содержалось в постулатах”. Э. Мах о геометрических доказательствах писал следующее: “Но тщательно удаляя из нашего представления все, что попало сюда лишь как прибавка к конструкции, а не через силлогизм, мы не найдем в нашем представлении ничего, кроме одного исходного положения” [см. 23].

Исходя из вышесказанного можно говорить о принципиальной методологической изоморфности двух видов знания. Более того, можно логически безупречно показать вероятностную и логическую равнознач-

ность этих двух полярных типов знания, ибо в субъект-объектном отношении две противоположные субъект-объектные позиции (их единство и их слитность) оказываются равновероятными уже в силу того, что они рассматриваются в цельном гносеологическом контексте, и в иных контекстах рассматриваться не могут.

Единство двух типов знания, фактически выступающих полярными друг по отношению к другу сущностями, предполагает неизбежность третьего, нейтрально-промежуточного, граничного, цельно-тотального типа знания, в сфере которого два противоположных типа знаний интегрируются. Данная нейтрально-граничная сущность (а попросту – граница), характеризующаяся, как мы показали выше, парадоксальными чертами, имеет множество онтологических проекций.

Граница, выступающая нейтральным, центральным моментом любого отношения, отражается в структуре логического суждения. Дело в том, что структура логического силлогизма универсальна и проистекает из структуры древнегреческого мифа [24]. В данной структуре (субъект – связка – предикат) связка как *граница* между двумя логическими терминами имеет решающее значение и является логической и языковой универсалией, а возникновение логики как науки зависит от той роли, которую играет данная связка. Известно также, что “человеческие гены воспроизводят себя не в какой общей аморфной массе населения страны, региона, континента или мира в целом, а именно в этнических границах” [25]. Скажем также, что жизнь “роится” на границах трех сред – океана, суши и воздуха [26]. О роли границы мы можем узнать и из факта про так называемые “третичные зоны мозга” А. Р. Лурии (зоны ассоциативного перекрытия), где вторичные зоны, реализующие специфические функции, пересекаются и где утрачивается модальная специфичность. Именно третичные зоны обеспечивают ощущение более высокого порядка [см. 27]. Феномен границы мы находим и в следующем факте: “максимум делящихся клеток приходится на предрассветные часы, когда ночь сменяется световым периодом” [28]. Интересно, что период от трех до пяти утра многими эзотерическими историками полагается моментом “X”, когда космос и человек “соприкасаются”. Колдуны древности, как отмечал К. Кастанеда, называли время захода и восхода солнца “щелью между двумя мирами”. Психологам известно, что в состоянии перехода между сном и бодрствованием наличествует парадоксальная фаза, являющаяся искомой целью духовных практик: “Грань между сном и бодрствованием условна; то и другое сочетая в душе, ты в *третье состояние* обязан себя ввести” (В. Сидоров). В психологии переходные фазы в процессе роста организмов называются критическими, бифуркационными, играющими решающую роль в выборе направления органогенеза и в формировании психических функций. В концепциях решения проблемы, принятия решения граница может пониматься как “логический вакуум” – неотъемлемый атрибут всякого познания, которое, развиваясь скачкообразно, время от времени обнаруживает “логические вакуумы”, заполняющиеся логической мыслью после процесса озарения [29]. В экзистенциализме “граничной ситуации” ме-

жду жизнью и смертью (соотносящейся с такими культурологическими феноменами, как инициация, посвящение, крещение и т. д.) придается решающее значение в процессе прозрения человеком своей сущности.

Итак, “третий путь познания” как единство синтетического и аналитического (иррационального и рационального) знания выражает парадоксальное состояние единства противоположностей и их борьбы. В сфере “третьего пути познания” мир оказывается столь же единым (субъект-объектно слитным), сколь и множественным (субъект-объектно раздельным), где члены таких дихотомических пар, как простое и сложное, часть и целое, актуальное и потенциальное, причина и следствие, целостная и линейная причинности, существо и его имя, субстанция и функция, внутреннее и внешнее, прошедшее и будущее, чувственное и логическое, начало и принцип, символ и символизируемая реальность, искусственное и естественное, цель и средство, рациональное и иррациональное, сознание и подсознание, динамика и статика, религиозно-мифологическое и научно-теоретическое, субъективное и объективное, трансцендентное и имманентное, идеальное и материальное, добро и зло, мистическое и аналитическое, сакральное и профаническое, макро- и микрокосмическое... одновременно не дифференцируются и дифференцируются.

Выражение понятия “третьего пути познания” средствами синтетического знания имеет многозначно-расплывчатый, “сумеречный” характер. В то время как выражение “третьего пути познания” средствами аналитического знания требует достаточно однозначной четкой формы. Понятно, что “третий путь познания” парадоксальным образом интегрирующий синтетическое и аналитическое знания, должен и может быть передан посредством такого языка, который бы унифицировал когнитивные стратегии двух полярных типов знания – стратегии многозначности и однозначности, формируя такое миропонимание, в котором реалии мира рассматриваются как регулирующиеся одновременно двумя типами детерминации – циклическим и линейным.

Существует возможность моделирования “третьего пути познания” средствами аналитического знания посредством использования неклассических (многозначных, модальных и т. д.) логик. Здесь уместно привести одну из таких логик – индийскую, где в сфере отношений логических терминов утверждения и отрицания обнаруживаются четыре логически равнозначные альтернативы: либо утверждение; либо отрицание; и то, и другое одновременно; ни то, ни другое. Данную логику Ю. А. Урманцев использует для анализа “философско-мировоззренческих предпочтений”. Здесь можно говорить о четырех альтернативах в плане соотношения категорий субъективного и объективного (материального и идеального): 1) Субъективную реальность как единственно возможную признают солипсисты (йогачары, Брюне, Беркли и др.). 2) Объективную реальность как единственно возможную признают вульгарные материалисты, “научные материалисты”, чарваки, Демокрит, Бэкон, Маркс, Энгельс, Ленин и др. 3) Обе эти реальности как несводимые друг к другу, как взаимно паритетные признают дуалисты (Саутрантики, карте-

зианцы). 4) Существование обеих реальностей отрицают мадхьямики [10].

В плане поведенческом четыре альтернативы находят воплощение в четырех равноправных типах поведенческих реакций, первая из которых вытекает из стремления человека приспособиться к миру; вторая – приспособить его к себя; третья совмещает первую и вторую реакции; четвертая – исключает обе эти реакции.

В плане детерминации можно также руководствоваться четырьмя онтологически равнозначными причинными конфигурациями, на равных правах входящими в сферу "третьего пути": классическим линейным детерминизмом, циклопричинностью, причинностью, совмещающей в себе два вида причинности, и, наконец, таким типом причинности, который исключает первый и второй типы.

Обычный человек рассматривает мир сквозь призму линейной причинности, в рамках которой причина предшествует следствию. Такой взгляд на вещи есть воплощение картезианской рационально-инструментальной, директивно-манипуляторной, дискретно-дихотомической парадигмы познания и освоения мира. В рамках циклопричинности причина и следствие, потенциальное и актуальное не дифференцируются (что, кстати, имеет место в современной физике, где потенциально-возможный аспект мироздания выступает его фундаментальной характеристикой), когда причина предстает пред нами как одновременно и следствие. Концептуальную идеологию данного типа причинности выражает тоталогия – наука о целостностях [30]. В онтологических рамках третьего типа причинности, совмещающей в себе два вышерассмотренных типа, следствие может рассматриваться как предшествующее причине. Здесь поступок человека не вытекает из некой причины, а определяется будущими следствиями этого же поступка, что встречается в ситуациях, подобно той, когда жизнь наказывает человека за преступления, которые он совершит (или может совершить) в будущем.

"Третий путь познания", таким образом, раздвигая бытийные горизонты человека, делает его существом поистине космического масштаба, ибо в лоне "третьего пути" он постигает и реализует все возможные онтологические, гносеологические, аксиологические и праксеологические варианты самоактуализации.

Литература:

1. *Цехмистро И. З.* Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. – Харьков: Вища школа, 1981.
2. *Фролов И. Т.* Перспективы человека. – М.: Наука, 1983. – С. 335.
3. *Гулыга А. В.* Космическая ответственность духа // Наука и религия, № 8, 1989. – С. 32–34.
4. *Казначеев В. П., Спирин Е. А.* Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного исследования. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 12.
5. *Девис П.* Случайная вселенная. – М.: Мир, 1985. – С. 132–155.
6. *Гроф С.* Путешествие в поисках себя. – М., 1994.

7. Журнал Московской патриархии, № 2, 1972.– С. 64.
8. *Вайнцвайг П.* Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 35.
9. *Пучинская Л. М.* Демоны правого полушария // Человек. – 1996. – № 1. – С. 30–38.
10. *Урманцев Ю. А.* О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 89–105.
11. *Murphy M., Donovan S.* Contemporary meditation research. – San Francisco, Esalen Institute Press, 1985. – P. 34–40.
12. *Дюмулен Г.* История дзен-буддизма. Индия и Китай. – СПб.: Орис, 1994. – С. 234–235.
13. *Шипов Г. И.* Теория физического вакуума. Теория, эксперименты и технологии. – М.: Наука, 1997.
14. *Протопопов А. А.* Управляющее действие электромагнитными излучениями нетепловой интенсивности на имманентных биоинформационному обмену частотах // Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора технических наук. – Тула, 1999. – С. 32.
15. *Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985.
16. *Морозов А. Л.* Поможет ли физика понять, как возникла жизнь // Природа. – 1984. – № 12. – С. 38–48.
17. *Наан Г. И.* Симметрическая вселенная (доклад на Астрономическом совете АН СССР 29 января 1964 г.) // Тартуская астрономическая обсерватория. Публикации. – Тарту, 1966. – Т. 56, с. 431–433.
18. *Завадская Е. В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Искусство, 1975. – С. 215.
19. *Лосев А. Ф.* Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983. – С. 149–170.
20. *Гегель Г.* Сочинения. – М.: Изд. АН СССР, 1932–1958. – Т. 4. – С. 30–40..
21. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М., 1958. – С. 83–88.
22. *Кант И.* Собрание сочинений в 6-ти томах. – М.: Мысль, 1963–1966. – Т. 3. – С. 229–231; т. 2. – С. 394
23. *Шляхин Г.Г.* Аналитическое и синтетическое // Логика и онтология. – М.: Наука, 1978. – С. 185–187
24. *Юдакин А. П.* Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. – М.: Наука, 1984. – С. 141.
25. *Рычков Ю. Г.* История как фактор генетического развития народонаселения // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 168.
26. *Голицын Г. А., Петров В. М.* Гармония и алгебра живого. – М.: Знание, 1990. – С. 71.
27. *Спрингер С., Дейч Т.* Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983. – С. 230

28. Рыбаков В. Влияние непрерывного освещения животных на суточный ритм профилиративной активности их организмов // Журнал общей биологии. – 1979. – Т. 11. – № 5.

29. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. – М.: Высш.школа, 1991. – С. 21–22, 184.

30. Кизима В. В. Татологические аллюзии // Totallogy. Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України, 1995. – С. 20 – 131.

ТЕХНОЛОГИИ ДОСТИЖЕНИЯ АКМЕ СРЕДСТВАМИ СИНЕРГЕТИКИ

Одним из фундаментальных открытий науки как формы общественного сознания есть целостность, синергия, обнаруживающая феномен, когда целокупности оказываются владеющими системными свойствами, которые принципиально не могут быть выведенными из свойств их составных частей.

Человек как мыслящее существо также предстает пред нами как целостное существо не только в плане своей психофизиологии, но и мышления, поскольку он владеет феноменом дипластии – способности рассматривать в одном контексте и отождествлять два противоположных элемента, исключающих друг друга.

Итак, в теоретической плоскости анализа феномена Целого можно концептуализировать синергетический принцип сверхаддитивности, указывающий на то, что *целое функционально больше частей*. Данный принцип, который может быть основополагающим при анализе феноменов акме человека, играет роль "строительных лесов" в синергетике.

Акмеология, подобно синергетике, нацелена на реализацию принципа целостности, поскольку акме человека, находящееся в фокусе изучения акмеологии, понимается ею как гармоническое единство психологических и социальных установок, в границах которого оказывается достижимой полнота бытия в рамках индивидуального состояния.

Можно сказать, что акме, как основной объект исследования акмеологии, есть атрибут творческой, гармонической самоактуализированной (согласно А. Маслоу) личности, являющейся целостной сущностью. В рамках последней достигается синергийное, гармоническое согласование всех психофизиологических, сознательных, душевных и духовных измерений человеческой личности, составляющих ее творческую полноту.

Базируясь на данном определении акме человека, можно построить *технология ее формирования*, нацеленную на развитие творчески-гармонической личности, являющейся, как учит психология, целостным существом, поскольку креативные люди обнаруживают амбивалентные, парадоксально-двойственные, исключающие друг друга особенности. Например, они одновременно проявляют себя как экстраверты и интроверты, обнаруживая скромность и гордость, бунтарский дух и консерватизм и т.д.

Целостность человека как путь к достижению акме реализуется на нескольких психических уровнях, один из которых связан с человеческими ощущениями, реализующимися в рамках функций анализаторов чувств, таких, как зрительного, слухового, кинестетического. Данные анализаторы в рамках нейро-лингвистического программирования рассматриваются как репрезентативных системы, характеризующие сферу ощущений человека и во многом определяющие стратегии его восприятия, познания и освоения действительности. Гармонизация человека в функциональной плоскости его ощущений состоит в том, чтобы пробудить синергические ресурсы анализаторов чувств, то есть преодолеть их сенсорную однобокость (феномен синестезии).

Если акме человека, как мы показали выше, есть синергической сущностью, то ее развитие проходит по пути формирования не только синестезии как функционального единства ощущений, но и по пути функционального согласования сознательного и бессознательного аспектов психической деятельности, которые соотносятся с функциями левого и правого полушарий головного мозга человека. Таким образом, можно говорить о синергической спаянности эмоционально-образной и абстрактно-логической стратегий познания и освоения мира.

Отметим некоторые педагогические системы, в которых реализуется принцип синергического развития человека. Прежде всего, можно говорить о школе Рудольфа Штайнера, немецкого философа, называемая вальдорфской. Принципы вальдорфской школы обнаруживают ориентацию на целостное, синергическое развитие человека.

Педагогическая система В. А. Сухомлинского обнаруживает идеи всестороннего развития личности. В Павловской средней школе, где директором был В. А. Сухомлинский, гармонизация отношений в детском сообществе достигалась с помощью включения воспитанников в разнообразные ученические объединения – учебные, исследовательские, производственные, по интересам, общественно-полезного направления, творческие и др. (эффект расширения ролевого репертуара).

Рассмотрим педагогические принципы М. П. Щетинина. Приведем исследования М. П. Щетинина по развитию таланта. Им было высказано предположение, что способность к одному виду деятельности складывается из способностей к другим. Талант – синтез множества талантов. Значит, задача развития каждой способности должна быть одновременно и задачей развития "побочных" способностей.

Имеющая впечатляющие успехи педагогическая система В. Ф. Шаталова, использует синергический принцип, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями. Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству левополушарной и правополушарной сторон психической активности способствует выработке установки на "интегральную" психическую

активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность.

Выводы.

1. Как и синергетика, акмеология обнаруживает черты междисциплинарной области исследований, поскольку она призвана создать научный аппарат, который бы позволил адекватно отражать проблему эффективного развития и становления человека во всей совокупности его качеств (Зайцев В. В., Зимичев А. М.).

2. Акмеология, ориентированная на использование синергетического принципа целостности, дает возможность построить технологию достижения состояния акме.

3. Целостность личности как путь к достижению акме реализуется на всех психических уровнях: сенсорно-аффективном (гармонизация анализаторов чувств, использование всех аффективных состояний как полезных ресурсов психики человека), ментальном (гармонизация двух полярных стратегий познания – абстрактно-логической и эмоционально-образной).

3. Талант личности – синтез множества талантов, способность к одному виду деятельности слагается из способностей к другим. Для того, чтобы воспитать специалиста, надо, следовательно, помимо заботы о специализации развивать "человека вообще", человека в целом.

4. Технология приведения к функциональному синтезу левополушарной и правополушарной сторон психической деятельности человека есть путь достижения акме.

СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Одним из основных приоритетов онто- и филогенетического развития человека является человеческая личность, его "Я", которое можно считать основной жизненной ценностью бытия Homo Sapiens.

"Я" человека по своему определению идентично самому себе, уникально, неповторимо, свободно. Действительно, уникальность и свобода поведения являются тем, без чего "Я" немислимо. Без них оно превращается в биологического робота, активность которого всецело программируется, детерминируется внешней средой.

Если "Я" как свободная сущность выше детерминизма мира, то "Я" должно происходить вне мира, развиваться не из него. Об этом свидетельствует парадокс развития (или телеологический парадокс), который фиксирует невозможность появления нечего нового из старого: если новое ("Я") возникает из старого (мира), то это новое уже должно скрытым, латентным образом заключаться в этом старом в непроявленном состоянии, и поэтому не является принципиально новым. Именно потому у К. Маркса капитал возникает из обращения и одновременно не из обращения, а у Ч. Дарвина новый вид появляется из старого вида и одновременно не из него.

Поэтому человеческое "Я" для того, чтобы отвечать своему определению, должно происходить не из мира, быть выше актуальной простран-

ственно-временной плоскости мира. Таким образом, "Я" есть запредельная, трансцендентная миру сущность, которая находится вне пространства и времени Вселенной.

Итак, быть "Я" – значит, быть трансцендентной пространству и времени сущностью. Это значит, что для того, чтобы быть "Я" следует осознавать свое парадоксальное внемировое происхождение, то есть принять семантику религиозно-мифологического сознания – мыслить себя в связи с Абсолютом, который по своему определению свободен от мира и выступает его творческим инициатором. Данный подход отражает и антропный принцип (или принцип космологического дополнения) современной космологии, а также принцип сопричастности квантовой физики, исходя из которого (см.: квантовый парадокс Эйнштейна "Мышь") человек выступает бытийным инициатором Вселенной.

Другой возможностью быть "Я" – это находится вне пределов временной актуальной данности, то есть находится в будущем, которого *еще нет*. Это значит, что поведение "Я" человека, свободное от детерминизма мира, в данном случае мотивируется тем, чего еще нет – мечтой, идеалом, который не имеет ничего общего с миром. Понятно, что в данном случае этот идеал связан с такой целью человека, которая направлена на его выход за пределы мира, на самотрансценденцию, то есть на достижение состояния, которое уже по своему определению присуще Абсолюту.

На Востоке это состояние называется состоянием просветления, Будды, нирваны, освобождения от колеса Сансары (то есть вечного колеса перерождений в этом мире).

В рамках Христианской традиции это состояние также предполагает акт превращения человека в бога: как пишут Отцы Церкви, "Бог содеялся человеком, дабы человек стал богом".

Вышеприведенный анализ человеческого "Я" и выводы, которые из него следуют, проистекают из линейной (традиционной) научной парадигмы познания мира, которая рассматривает мир как каузальное единство взаимосвязанных и взаимодетерминированных сущностей, подчиняющихся принципу линейной (классической) причинности, в рамках которой каждому следствию предшествует определенная причина. Отсюда и возникает парадокс развития, на основании которого мы и сделали вывод о трансцендентной природе человеческого "Я".

Однако, если стоять на позициях синергетики, науки о нелинейных открытых системах и принципах самодвижения материальных форм, то можно заключить, что мир не является полностью детерминированным. Развитие любой сущности здесь обнаруживает так называемые точки бифуркации, зоны хаоса, свободные от принципа линейной причинности.

Таким образом, если "Я" принципиально свободно от мира, то оно может быть таковым и в области бифуркации как хаотическая (спонтанная, интуитивная), а поэтому творческая сущность. Творчество, по одному из его новейших определений, обнаруживает явление бисоциа-

ции, то есть такой возможности восприятия и освоения мира, которая выше ассоциативных связей.

Итак, быть "Я" – значит, быть Абсолютом и Творцом. Это есть новое синергетическое понимание человеческого "Я".

ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА И АГРЕССИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Конфликт, без сомнения, выступает фундаментальным атрибутом человеческого бытия. Существует множество теорий и представлений обыденного сознания, объясняющих сущность конфликта и агрессии (как процесса реализации конфликта). Все они ищут исток конфликта в том или ином специфическом аспекте нашего мира, на основании чего и строится объяснительная модель конфликта, при помощи которой могут формулироваться рекомендации по его преодолению. Поэтому до сих пор не создано стройной теории конфликта, которая бы подвела под общий теоретический знаменатель множество взглядов на природу и механизм конфликта и агрессии.

Однако не вызывает сомнения, что причина любого конфликта проистекает из дискретно-атомарного принципа жизни, то есть обуславливается фактором множественности жизненных форм (которые, как дискретные сущности, локализованы в пространстве и времени и ограничены их рамками), что порождает фундаментальное противоречие между жизненными формами в процессе их существования.

Поэтому сущность конфликта лежит в плоскости противоречия между *внутренним* (пространством жизненной формы) и *внешним* (пространством окружающей эту форму среды существования), то есть в плоскости взаимного несоответствия внутреннего и внешнего.

Данное обстоятельство выступает важнейшим методологическим принципом анализа сущности конфликта, который можно рассматривать необходимым условием взаимодействия жизненных форм и самой жизни, которая сама по себе как форма бытия материи вступает в конфликт с окружающей ее средой, поскольку, по одному из определений жизни, она возможна за счет поддержания порядка (антиэнтропии) внутри своей среды благодаря нарушению порядка и повышению хаоса, беспорядка (энтропии) внешней среды.

Все множество конфликтов, сопутствующих человеку на его жизненном пути, при этом являются лишь частными случаями фундаментального конфликта человека и окружающей его среды, который, как мы уже указывали, проистекает из их взаимного несоответствия, что на психоло-поведенческом уровне проявляется в формировании механизмов психологической защиты, не устраняющих конфликт, но загоняющих его вовнутрь.

Устранение этого фундаментального конфликта как инициатора всех иных специфических его форм предполагает достижение состояния тождества человека и мира (Я и не-Я), внутреннего и внешнего.

Данное тождество реализуется на нескольких уровнях человеческой жизнедеятельности:

1. На уровне сознания единство человека и мира означает то, что в мире для человека не будет явлений, которые бы он не осознал и не понимал (*мудрость*).

2. На уровне ценностных ориентаций, мировоззрения такое единство предполагает, что в мире нет ценностей, которые бы человек отрицал и отвергал (*тотальная толерантность*).

3. На уровне аффективно-перцептивном такое единство означает, что в мире нет эмоциональных реакций, которые бы человек не воспринимал и был бы к ним к ним глух, а также нет таких перцептивных каналов восприятия действительности, которые бы человек не использовал (*эмпатия и синестезия*).

4. На уровне поведенческом единство человека и мира означает то, что в последнем не встречается таких поведенческих схем (социальных ролей), которые бы человек не отработал либо практически, либо в своем воображении (*ролевая диффузия*).

Реализация конфликта может осуществляться в форме агрессии. Следует сказать, что существование человечества кристаллизуется вокруг двух фундаментальных модусов: эскалации агрессии и процессов ее преодоления. Причем эти модусы реализуются как на уровне целых социумов, так и в границах отдельных индивидов, где агрессия проявляется в ее чистом виде.

Каковы бы ни были причины индивидуальной агрессии, все они сводятся к рассмотренному выше фундаментальному противоречию человека и внешней среды. Данное противоречие может реализовываться как в человеческом поведении, направленном на самоизменение с целью приспособления себя к внешней среде, так и в поведении, направленном на изменение среды с целью приспособления ее к человеку. Иногда эти два противоположных процесса (получивших в психологии название *внутреннего и внешнего локуса контроля*) протекают параллельно и, так или иначе, сводятся к процессу контроля как направленного (контролируемого) изменения.

Контроль предполагает наличие контролирующего начала и объекта контроля. При этом контроль всегда осуществляется как процесс манипуляции, при котором объект контроля всегда рассматривается контролирующим началом как нечто чуждое, чужое, внешнее, как средство для достижения своих целей. Такой контроль и можно назвать актом агрессии.

Если же контролирующее начало отождествляет себя с объектом своего контроля, то такой контроль можно назвать *самоконтролем*, что в принципе исключает агрессию. При этом объект контроля из средства превращается в цель, что соответствует категорическому императиву Канта, который выражает отношение человека к другому человеку как к самому себе (сравните с христианским принципом "возлюби ближнего как самого себя"), то есть не как к средству, а как к цели.

Как видим, преодоление агрессии предполагает отношение человека ко всему как к самому себе, когда во всем человек видит самого себя (*принцип субъективации в психологии и антропный принцип в философии*). Здесь человек (контролирующее начало), контролирующей себя, контролирует и весь мир и, контролируя мир, контролирует себя.

Данное положение иллюстрируется характеристикой "мудрого человека", взятой из канонов восточной мудрости: "безмолвный, пребывает в недеянии, но всему причастен; невозмутивый, не управляет, а все содержит в порядке. То, что называю "недеянием", означает не опережать хода вещей; то, что называю "всему причастен", это следовать ходу вещей; то, что называю "все содержит в порядке", соблюдать взаимное соответствие вещей".

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Новая парадигма образования базируется на концепции целостности (являющейся основой нелинейной синергетической парадигмы познания и освоения мира) и обращается к целостному человеку. Она предполагает гармоническое развитие двух полярных психофизиологических аспектов психики человека – эмоционального и рационального (подсознательного и сознательного, правополушарного и левополушарного), приведение их в состояние функционального синергетического единства и выход на уровень их синтеза – как цель развития человека.

Данная цель может естественным образом реализоваться в процессе онто- и филогенетического развития человека, которое в кратком виде может быть представлено следующей исторической последовательностью:

Изначально дикарь, как и маленький ребенок, являются преимущественно эмоциональными правополушарными существами, воспринимающими мир целостно, многозначно, синкретично, на уровне мифологического миропонимания. Здесь человек не выделяет себя из среды своего существования (которая сакрализуется и психизируется) как активно-личностное начало и практически не в состоянии посмотреть на себя со стороны, существуя в поле сплавления мысли, чувства и действия.

Со временем единый сакральный комплекс человеческого бытия разрушается, происходит развитие левополушарного, индивидуалистического, абстрактно-логического волевого начала, позволяющего человеку контролировать среду своего обитания и манипулировать миром, воспринимая его избирательно, последовательно, однозначно на уровне научно-прагматического миропонимания.

На третьем уровне развития человек интегрирует право- и левополушарную стратегии познания и освоения мира, соединяя в одном лице ребенка и взрослого, художника и мыслителя.

Задача новой парадигмы образования заключается, с одной стороны, в сохранении и приумножении потенциала правополушарных

функций (что связано с развитием сказочно-мифологического, художественно-метафорического мирозерцания), а с другой, – в развитии возможностей левополушарных функций человека и в приведении их в согласование с правополушарными функциями. При этом эти две полярные стратегии познания и отражения мира стимулируют друг друга и в состоянии функционального синтеза дают выход в сферу "сверхсознания" [1].

Образовательный аспект достижения гармонического состояния предполагает достижение единства право- и левополушарной природы человека в процессе его развития и образования, что практикуется некоторыми педагогами на интуитивном уровне, но пока еще не осознается ими как теоретическая реальность. Так, имеющая успехи педагогическая система В. Ф. Шаталова, как оказывается, использует принцип полушарного синтеза, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями. Школьники при этом учатся целеустремленно и регулярно манипулировать одновременно двумя противоположными друг по отношению к другу рядами реальных нашей жизни, осуществляя их взаимную трансформацию, когда конкретное понимается через абстрактное, а абстрактное – через конкретное. Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству левополушарной и правополушарной сторон психической активности способствует выработке установки на "интегральную" психическую активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность. Интересно, что система В. Ф. Шаталова активизирует не только чисто абстрактно-логический (левополушарный), но эмоционально-образный (потребностно-мотивационный, правополушарный) аспекты психики, когда при развитии абстрактно-аналитическом компоненте психической деятельности у детей активизируется и мотивационный компонент такой деятельности (учеба, подобно игре, становится самоцелью, превращается в самоценный, самодостаточный феномен), и, что самое удивительное, все дети при этом начинают рисовать [2]. Актуализация одновременно правого и левого "аспектов" человека недвусмысленно свидетельствует о высокоразвитой интегрально-творческой форме психической активности, предполагающей единство логического и экспрессивного начал личности, которые в обычном состоянии представлены как конкурирующие и тормозящие друг друга.

Полушарный синтез предполагает с одной стороны наполнение абстрактным содержанием наших чувств, их рационализацию и контроль, а с другой – предполагает синергетическое перепрофилирование абстрактно-логического мышления человека, которое в данном случае перестает функционировать в режиме сугубо однозначного отражения окружающего мира. Человеческое существо при этом превращается в открытую гармоническую систему, способную усваивать огромные мас-

сивы информации, воспринимать мир не критически, с полным доверием. Синергия абстрактно-теоретических схем приводит к абсолютному теоретическому согласованию наших знаний о мире, который при этом перестает восприниматься как нечто неопределенное. Характерными особенностями такого гармонического существа становятся толерантность и фундаментальный оптимизм, обусловленные открытостью к миру и спонтанностью поведения, вытекающего из медитативного, творческого состояния.

Литература:

1. Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное. Многообразие видения. Т. 1. – Новочеркасск: САГУНА, 1994. – С. 60–68.

2. Шаталов В. Ф. Эксперимент продолжается. – М.: Педагогика, 1989. – 336 с.

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ

Объяснительная модель новой парадигмы образования включает в себя цель образования, пути достижения данной цели, взаимодействия субъектов образовательного процесса, ребенка, ученика в совокупности его психофизиологической структуры и онто-, филогенетической (индивидуальной и видовой) динамики разворачивания этой структуры и, что чрезвычайно важно, учителя.

Новая парадигма образования базируется на концепции целостности (являющейся основой новой нелинейной синергетической парадигмы познания и освоения мира) и обращается к целостному человеку. Она предполагает гармоническое развитие двух полярных психофизиологических аспектов его психики – эмоционального и рационального (подсознательного и сознательного, правополушарного и левополушарного), приведение их в состояние функционального синергетического единства и выход на уровень их синтеза – представляющего цель развития человека.

Данная цель реализуется естественным образом в процессе онто- и филогенетического развития человека, которое в кратком виде может быть представлено следующей исторической последовательностью:

Изначально дикарь, как и маленький ребенок, являются преимущественно эмоциональными правополушарными существами, воспринимающими мир целостно, многозначно, синкретично, на уровне религиозно-мифологического миропонимания. Здесь человек не выделяет себя из среды своего существования (которое сакрализуется, то есть, обожествляется и психизируется, наделяется человеческими чертами) как активно-личностное начало и практически не в состоянии посмотреть на себя со стороны, существуя в поле сплавления мысли, чувства и действия.

Затем единый сакральный комплекс человеческого бытия разрушается, происходит развитие левополушарного, индивидуалистического, абстрактно-логического волевого начала, позволяющего человеку

контролировать и манипулировать миром, воспринимая его избирательно, последовательно, однозначно на уровне научно-прагматического миропонимания.

На третьем уровне развития человек интегрирует право- и левополушарную стратегии познания и освоения мира, соединяя в одном лице ребенка и взрослого, художника и мыслителя, мужчину и женщину...

Задача новой парадигмы образования заключается, с одной стороны, в сохранении и приумножении потенциала правополушарных функций (что связано с развитием сказочно-мифологического, художественно-метафорического мирозерцания), а с другой, – в развитии возможностей левополушарных функций и в приведении их в состоянии согласования с правополушарными функциями. При этом эти две полярные стратегии познания и отражения мира стимулируют друг друга и в состоянии функционального синтеза дают выход в сферу сверхсознания.

Исследователями выявляется три механизма отражения и освоения человеком действительности:

1) конкретно-чувственный, эмоционально-образный, правополушарный, «открытый»;

2) абстрактно-логический, теоретический, левополушарный, «закрытый»;

3) парадоксально-медитативный, сочетающий первые два способа. Энцефалографические исследования показывают, что в медитативном состоянии («промежуточном» между сном и бодрствованием) полушария мозга, выступающие по отношению друг к другу «антагонистами», функционально взаимно согласуются. В одном индивиде сочетаются две полярные стратегии отражения и освоения действительности – художественная и мыслительная. Здесь человек предстает гармонической личностью, характеризующейся балансом противоположностей, а отсюда – колоссальной мощностью, ибо, как отмечает П. Вайнцвайг, гармония как баланс противоположностей несет в себе огромное напряжение, а поэтому и колоссальную мощь [1].

Первый уровень постижения бытия есть уровень художественно-мирозерцания, свойственного не только художникам и детям, но и дикарям. С позиции этого уровня, мир постигается и осваивается многозначно и симультанно. континуально-волевое целое, Окружение отражается прямо, конкретно-чувственное, непосредственно, метафорически, наивно, упрощенно и многозначно, в духе полного доверия и открытости, с позиции «здесь и сейчас», динамически, континуально-непрерывным образом, религиозно-мифологически [2], сакрально-ритуальным способом, в русле всеобъемлющей «космической симпатии» древнегреческих философов, эмпатически

Человек сливается со средой своего существования, а субъект и объект познания приводятся к единству, обнаруживая принцип альтруизма – идеологию приспособления к миру посредством изменения самого себя. С позиции такого чувственно-художественного восприятия ми-

ра вся жизнь человека сакрализуется, утрачивается принципиальное различие между поступками и ритуальными действиями, а мир представляется в виде некой сверхценной сущности.

Второй уровень постижения бытия – уровень мыслительно-рационального миропонимания, свойственный ученому, взрослому человеку, нашему современнику и характеризующийся рационально-прагматическим, опосредованным, инструментально-манипуляционным, однозначным подходом к рассмотрению феноменов действительности. С позиции данного уровня, мир отражается и осваивается дискретно-множественным, дискурсивно-концептуальным, схематичным, мертвенным образом, как некое дискретно-вещественное множество. Мир отражается напрямую, опосредствовано, сложно, в духе скептической рефлексии, закрытости, статичности, научно-теоретически, в русле атомизированного, дробящего все на отдельные элементы анализа. И это позволяет человеку выделиться из среды своего существования и кристаллизироваться в изолированную, личностно-индивидуальную сущность, разводящую субъект и объект познания по полюсам, отражающую мир принципиально биполярно-антиномическим способом, обнаруживая принцип эгоизма и возможность приспособляться к среде путем ее изменения, путем волеизъявления как способности совершать выбор во множественно-дискретном мире, который предстает в виде схематичного набора онтологических сущностей, приведенных к выхолощенно-абстрактным формам, познаваемым принципиально опосредовано.

Третий уровень постижения бытия представляет собой парадоксальное единство первых двух уровней, когда мир оказывается столь же многозначным, столь же чувственно выражаемым, сколь и умпостигаемым, столь же единым, сколь и множественный; как абстрактным, так и конкретным; одинаково реальным и нереальным, иллюзорным. Словом, здесь мир воспринимается и осваивается парадоксальным образом в духе творческого, просветленно-эвристического миропонимания, а человек предстает открытой синергичной системой.

Философский принцип единства мира позволяет нам заключить что, подобно тому, как развитие Вселенной идет от полевого плана (микромира) к вещественному плану (макромиру), а от него – к их синтезу и выходу в область парадоксально-интегрального бытия (жизни) как единства энтропийной и неэнтропийной тенденций развития Вселенной, так и эволюция человека в онто- и филогенезе, как показывает психология, идет от правополушарного психического модуля (у ребенка) к левополушарному (у взрослого), а от него – к их синтезу (у пожилого человека). Здесь обнаруживается гармоническое состояние функционального синтеза полушарий, когда пожилой человек, обогащенный жизненным опытом, по сути, превращается в ребенка с его пластической психикой и непосредственностью восприятия мира

Об образовательном аспекте достижения гармонического состояния. Он предполагает достижение единства право- и левополушарной природы человека в процессе его роста и образования, что

практикуется некоторыми педагогами на интуитивном уровне, но пока еще не осознается ими как теоретическая реальность. Так, имеющая успехи педагогическая система В. Ф. Шаталова, как оказывается, использует принцип полушарного синтеза, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями. Школьники при этом учатся целеустремленно и регулярно манипулировать одновременно двумя противоположными друг по отношению к другу рядами реалий нашей жизни, осуществляя их взаимную трансформацию, когда конкретное понимается через абстрактное, а абстрактное – через конкретное. Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству левополушарной и правополушарной сторон психической активности способствует выработке установки на "интегральную" психическую активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность. Интересно, что система В. Ф. Шаталова активизирует не только чисто абстрактно-логический (левополушарный), но эмоционально-образный (потребностно-мотивационный, правополушарный) аспекты психики, когда при развитии абстрактно-аналитического компонента психической деятельности у детей активизируется и мотивационный компонент такой деятельности (учеба, подобно игре, становится самоцелью, превращается в самоценный, самодостаточный феномен), и, что самое удивительное, все дети при этом начинают рисовать. Актуализация одновременно правого и левого "аспектов" человека недвусмысленно свидетельствует о высокоразвитой интегрально-творческой форме психической активности, предполагающей единство логического и экспрессивного начал личности, которые в обычном состоянии представлены как конкурирующие и тормозящие друг друга.

Полушарный синтез предполагает с одной стороны наполнение абстрактным содержанием наших чувств, их рационализацию и контроль, а с другой – предполагает синергетическое перепрофилирование абстрактно-логического мышления человека, которое в данном случае перестает функционировать в режиме сугубо однозначного отражения окружающего мира. Человеческое существо при этом превращается в открытую гармоническую систему, способную усваивать огромные массивы информации, воспринимать мир не критически, с полным доверием. Синергия абстрактно-теоретических схем приводит к абсолютному теоретическому согласованию наших знаний о мире, который при этом перестает восприниматься как нечто неопределенное. Характерными особенностями такого гармонического существа становятся толерантность и фундаментальный оптимизм, обусловленные открытостью к миру и спонтанностью поведения, вытекающего из медитативного, творческого состояния, в котором гармоничный человек пребывает практически постоянно.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЙ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Эмоции, как известно, есть особый класс психических процессов и состояний, связанных, так или иначе, со всеми проявлениями человеческой психики, сопровождающих практически все проявления активности субъекта и отражающихся в форме непосредственного переживания.

Эмоции выступают одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальной потребности. В этом проявляется информационная функция эмоций, учение о которой создал П. В. Симонов. Его информационная теория эмоций гласит, что эмоция это функция информации, то есть эмоция есть реакция организма на недостаток информации о той или иной актуальной жизненной ситуации, связанной с удовлетворением потребностей человека [1].

Можно сказать, что эмоция есть выражение ситуации, когда потребность человека удовлетворяется не автоматически, когда сам процесс удовлетворения потребности встречается с проблемами. Следует сказать, что эмбриональный организм, находящийся в материнской утробе, удовлетворяет свои потребности безпроблемно, автоматически, симультанно (мгновенно), поскольку составляет с организмом матери единое органическое целое. Следует предположить, что в этом случае процесс удовлетворения потребностей эмбриона не сопровождается эмоциональными реакциями.

В тот момент, когда живое существо появляется на свет, наблюдается утрата этим живым существом непосредственной органической связи с материнским организмом. Теперь уже потребности родившегося удовлетворяются с некоторой задержкой, утрачивается автоматический характер их удовлетворения.

Между временной и пространственной точкой актуализации потребности и точкой ее удовлетворения находится некий пространственно-временной интервал, заполняемый элементами действительности, в которую погружается родившийся организм. Восприятие данного интервала в совокупности некой последовательной структуры элементов, его составляющих, следует полагать, и создает чувство времени, а интериоризация этого интервала получает идеальную репрезентацию в сфере психики и, собственно, кристаллизует психические функции.

Впоследствии данный интервал между моментами актуализации потребности и ее удовлетворения (вместе с развитием потребностной сферы) расширяется до границ "объективной реальности", "данной человеку в его ощущениях", которую можно назвать человеческой цивилизацией.

Итак, реальность, которая есть суть человеческая цивилизация, как форма и способ существования человека, представляет собой упомянутый выше интервал, который сам по себе уже несет чувство времени как "промежуток между сейчас и тогда", который, как пишет Ф.Перлз,

есть выражение фундаментальной тревоги человеческого бытия (библейского "проклятия").

Возникшее чувство времени есть отражение интервала, который в данном случае представляется информационной сущностью, выражающей вероятностную перспективу удовлетворения потребностей и одновременно порождающей эмоциональную реакцию на эту перспективу.

Можно сказать, что цивилизация есть совокупность "полей" вероятности удовлетворения потребностей. А окружающий мир представляется актуальным (существующим) для человека в том своем аспекте, который выражает проблемный (информационный) характер удовлетворения потребностей. В целом, следует признать, что мир есть информационная неопределенность, на которую человек реагирует эмоционально и преодоление которой в виде жизненной активности формирует социально-поведенческие, мыслительные психические матрицы (структуры), являющиеся сутью Homo sapiens.

Таким образом, мы живем в вероятностном мире, в котором протекающие события характеризуются той или иной степенью вероятности, то есть информативности: высокочастотные, повторяющиеся события несут в себе минимум информации, в то время как информационная "емкость" редких, нетривиальных, низкочастотных событий высока. Можно сделать вывод, что чем более неопределенной в плане осмысления и понимания является для человека окружающий его мир, тем более эмоциональнее и проблемнее он предстает пред ним.

Литература:

1. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М., 1981. – 250 с.

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Все многообразие жизненных ценностей человечества фокусируется вокруг фундаментальной триады Истина, Добро, Красота. Каждый из элементов данной триады представляет собой специфические способ постижения и освоения мира человеком. Познание Истины предполагает использование когнитивного (гносеологического) способа отражения мира, в спектре которого мир кристаллизуется как целесообразная, разумная сущность. Стремление к Добру включает в работу аксиологические (этические) ресурсы психической деятельности, направленной на моральное освоение мира. Постигание красоты предполагает отражение мира в сфере перцептивно-аффективного поля восприятия действительности человеческим существом.

Еще древним мыслителям было ясно, что в реальной жизни человек постигает и осваивает самого себя и окружающий мир в единстве Истины, Добра и Красоты, а результатом такого постижения является в идеальном плане – мировоззрение (система ценностей) и в материально-физическом плане – поведение и деятельность (праксеология). Данное

положение о единстве Истины, Добра и красоты сейчас актуализируется в виде синергетической (целостной, холомной) парадигмы, которая рассматривает в неразрывном единстве все перечисленные выше составляющие жизненной активности человека. Поэтому постичь Красоту человек не может вне постижения Истины и Добра, что, в конечном итоге, конституирует ценностно-мировоззренческий и деятельностно-поведенческий аспекты человеческого самовыражения и самореализации.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем к рассмотрению синергетическую концепцию эстетического воспитания, в рамках которой разрабатывается система методов и рекомендаций, направленных на синергизацию эстетического воспитания в плане его компонентов (когнитивного, перцептивно-аффективного, ценностно-мировоззренческого и деятельностно-поведенческого) и содержания (музыкальный, изобразительный, синтетичный, то есть хореографический аспекты).

Здесь на уровне содержания эстетического воспитания предлагается соединить в одном предмете изучение музыкального, изобразительного и хореографического аспектов (что реализуется как эвритмия в рамках Вальдорфской школы), когда, например, образ изобразительного искусства воспринимается в его преломление через музыку и движение.

На уровне компонентов эстетического воспитания предлагается их синергизация (школа Щетинина).

Здесь в сфере когнитивной предлагается приводить к гармонии правополушарный (конкретно-образный) и левополушарный (абстрактно-логический) способы переработки информации человеком (школа Шаталова).

В сфере перцептивно-аффективной стоит задача развить до уровня синестезии три сенсорные системы (одна или две из которых обычно занимают позицию доминирующих) – аудиальную, визуальную и кинестетическую и сделать все эти системы ведущими (техники нейролингвистического программирования).

Синергизация ценностно-мировоззренческой сферы предполагает погружение учеников в ауру "многовариантного" мировоззрения, что рождает толерантность к разным ценностным ориентациям и отвечает принципу многомерности Истины (гуманистическая психология).

Синергизация деятельностно-поведенческой сферы человека предполагает расширение ролевого репертуара учеников, что позволяет успешно выполнять разные социальные роли и проявлять активность в русле разных стилей деятельности.

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ И ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ЕГО СУЩНОСТИ

Философской аксиомой стал вывод о том, что взаимодействие – это первое, с чем сталкивается человек, рассматривающий движущуюся материю. Действительно, движение, являющееся неотъемлемым атрибутом материи, ее глобальнейшей универсалией, всеохватывающей то-

тализирующей сущностью, есть результат взаимодействия, которое в своем простейшем, а поэтому фундаментальном виде проявляется как биполярная субъект-объектная категория, выступающая наиболее общей объясняющей моделью действительности.

Данная модель приобретает колоссальную гносеологическую ценность в контексте понятийного поля, отражающего философскую традицию рассматривать мир в виде триадичной схемы: как субъект и объект (нечто внутреннее и внешнее, имманентное и трансцендентное, человек и мир, Я и не-Я) и границу между ними. Вследствие того, что граница имеет парадоксально-многозначное содержание (ибо принципиально невозможно сказать, кому она принадлежит: субъекту, объекту, им обоим, либо ни тому, ни другому [1]), субъект-объектное отношение также парадоксально, так как с позиции вышесказанного субъект и объект, с одной стороны, представляют собой единый нерасторжимый комплекс (если граница принадлежит им обоим), а с другой, – они предстают как контрарные, отдельноположные, если граница принадлежит либо одному из них, либо является нечто самостоятельным.

Субъект-объектные отношения, теоретически воплощающие в себе любые два взаимодействующие элемента нашего мира, не являются чисто умозрительной моделью действительности, поскольку, как учит современная физика, Вселенная на ее фундаментальном квантовом уровне (на уровне микромира) представляет собой единый нерасчленимый комплекс, субъект-объектные составляющие которого связываются так называемыми не причинными имплицативными синхроническими связями, обнаруживая реальность целостной (синхронической) причинности. С другой стороны, макромир предстает пред нами в виде конгломерата относительно непроницаемых материальных форм, причинно регулирующих принципом классического линейного (диахронического) детерминизма и взаимодействующих по схеме субъект-объектного отношения, в котором субъект и объект отдельноположны.

Таким образом, как в сфере гносеологии, так и онтологии мы обнаруживает две теоретически принципиально равноправные схемы субъект-объектных отношений, в рамках одной из которых субъект и объект интегрированы в одно симфоническое целое, а в рамках другой – они выступают дискретными сущностями.

Знание вырабатывается принципиально в процессе взаимодействия человека и мира, поэтому к нему применима схема субъект-объектных отношений, из которой следует наличие двух видов знания, признанных логиками – синтетического и аналитического. Синтетическое знание целостно, синхронично, в то время как аналитическое – линейно-дискурсивно, диахронично.

Философы и логики признают, что в порождающем плане синтетическое знание предшествует аналитическому. Последнее представляет собой процесс разворачивания синтетического знания в форме определенного дискурса, преломляющего ту или иную научную парадигму, выражаемую в сфере той или иной знаково-символической системы. Таким образом, аналитическое разворачивание мысли обнаруживает

только то, что в ней находилось в свернутом, синтетическом состоянии. Гегель полагал, что аналитическое положение содержит в себе задачу как уже решенную саму по себе [2, т. 4, с. 30–40], а Л. Витгенштейн утверждал, что в логике процесс и результат эквивалентны, когда доказательство есть только механический способ облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена [3]. Кант трактовал синтетические суждения как расширяющие наши знания, а аналитические – как поясняющие то, что уже имелось, хотя и неявно, в посылках [4, т. 3, с. 229–231; т. 2, с. 394]. Рассуждения К. Гемпеля подтверждают это: "так как все математические доказательства опираются исключительно на логические выводы из определенных постулатов, то отсюда следует, что математическая теорема, такая, как теорема Пифагора в геометрии, не утверждает ничего, что является объективно или теоретически новым по сравнению с постулатами, из которых она выведена, хотя ее содержание может быть психологически новым в том смысле, что мы не подозревали того, что оно скрыто содержалось в постулатах". Э. Мах о геометрических доказательствах писал следующее: "Но тщательно удаляя из нашего представления все, что попало сюда лишь как прибавка к конструкции, а не через силлогизм, мы не найдем в нашем представлении ничего, кроме одного исходного положения" [см. 5].

Исходя из вышеказанного можно говорить о принципиальной методологической изоморфности двух видов знания. Более того, можно логически безупречно показать вероятностную и логическую равнозначность этих двух полярных типов знания, ибо в субъект-объектном отношении две противоположные субъект-объектные позиции (их единство и их слитность) оказываются равновероятными уже в силу того, что они рассматриваются в цельном гносеологическом контексте, и в иных контекстах рассматриваться не могут.

Единство двух типов знания, фактически выступающих полярными друг по отношению к другу сущностями, предполагает неизбежность третьего, нейтрально-промежуточного, граничного, цельно-тотального типа знания, в сфере которого два противоположных типа знаний интегрируются. Данная нейтрально-граничная сущность (а попросту – граница), характеризующаяся, как мы показали выше, парадоксальными чертами, имеет множество онтологических проекций.

Граница, выступающая нейтральным, центральным моментом любого отношения, отражается в структуре логического суждения. Дело в том, что структура логического силлогизма универсальна и проистекает из структуры древнегреческого мифа [5]. В данной структуре (субъект – связка – предикат) связка как *граница* между двумя логическими терминами имеет решающее значение и является логической и языковой универсалией, а возникновение логики как науки зависит от той роли, которую играет данная связка [6]. Известно также, что "человеческие гены воспроизводят себя не в некоей общей аморфной массе населения страны, региона, континента или мира в целом, а именно в этнических границах" [7]. Скажем также, что жизнь "роится" на границах трех сред – океана, суши и воздуха [8]. О роли границы мы можем узнать и из

факта про так называемые “третичные зоны мозга” А. Р. Лурии (зоны ассоциативного перекрытия), где вторичные зоны, реализующие специфические функции, пересекаются и где утрачивается модальная специфичность. Именно третичные зоны обеспечивают ощущение более высокого порядка [см. 9]. Феномен границы мы находим и в следующем факте: “максимум делящихся клеток приходится на предрассветные часы, когда ночь сменяется световым периодом” [10]. Интересно, что период от трех до пяти утра многими эзотерическими источниками полагается моментом “X”, когда космос и человек “соприкасаются”. Колдуны древности, как отмечал К. Кастанеда, называли время захода и восхода солнца “щелью между двумя мирами”. Психологам известно, что в состоянии перехода между сном и бодрствованием наличествует парадоксальная фаза, являющаяся искомой целью духовных практик: “Грань между сном и бодрствованием условна; то и другое сочетая в духе, ты в *третье состояние* обязан себя ввести” (В. Сидоров). В психологии переходные фазы в процессе роста организмов называются критическими, бифуркационными, играющими решающую роль в выборе направления органогенеза и в формировании психических функций. В концепциях решения проблемы, принятия решения граница может пониматься как “логический вакуум” – неотъемлемый атрибут всякого познания, которое, развиваясь скачкообразно, время от времени обнаруживает “логические вакуумы”, заполняющиеся логической мыслью после процесса озарения [11]. В экзистенциализме “граничной ситуации” между жизнью и смертью (соотносящейся с такими культурологическими феноменами, как инициация, посвящение, крещение и т. д.) придается решающее значение в процессе прозрения человеком своей сущности.

Итак, цельное знание как единство синтетического и аналитического знания выражает парадоксальное состояние единства противоположностей и их борьбы. В сфере цельного знания мир оказывается столь же единым (субъект-объектно слитным), сколь и множественным (субъект-объектно раздельным), где члены таких дихотомических пар, как простое и сложное, часть и целое, актуальное и потенциальное, причина и следствие, целостная и линейная причинности, существо и его имя, субстанция и функция, внутреннее и внешнее, прошедшее и будущее, чувственное и логическое, начало и принцип, символ и символизируемая реальность, искусственное и естественное, цель и средство, рациональное и иррациональное, сознание и подсознание, динамика и статика, религиозно-мифологическое и научно-теоретическое, субъективное и объективное, трансцендентное и имманентное, идеальное и материальное, добро и зло, мистическое и аналитическое, сакральное и профаническое, макро- и микрокосмическое... одновременно не дифференцируются и дифференцируются.

Механизмы практического достижения цельного знания обнаруживаются в концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека, которую мы будем рассматривать в статье “Новая парадигма образования и воспитания как выразитель идеала цельного знания”. Что же касается способов выражения цельного знания, то они

преломляются в сфере двух полярных типов знания – синтетического (интуитивного) и аналитического (рационального).

В плане синтетического знания субъект и объект познания не дифференцируются, поэтому познание здесь достигается "всем телом" (В. В. Налимов), "всеми силами организма" (В. Дильтей), через феномен "космической симпатии" древнегреческих философов, а выражение результатов познания принципиально многозначно, целостно, строго не привязано к знаково-символическим, художественно-метафорическим дифференцировкам и имеет вид интуитивных прозрений, обнаруживаемых в поле так называемого "сумеречного", мистического, многозначно-неопределенного постижения бытия. Нужно указать, что более "экономнее" выражать данный тип знания в русле религиозно-мифологического, художественно-метафорического многозначного освоения действительности.

В плане аналитического знания субъект и объект познания дифференцируются, что выражается, во-первых, в принципиальной опосредованности такого познания сущностями, которые заполняют брешь между субъектом и объектом (такowymi сущностями являются анализаторы чувств человеческого организма, научные приборы, формулы, теоретические объекты, символические системы и др.), и во-вторых, результаты аналитического знания репрезентируются преимущественно в дискурсивном знаково-символическом, однозначном виде, так как любая символическая система состоит из знаковых элементов, находящихся в определенных достаточно строгих однозначных парадигматических и синтагматических отношениях друг к другу, что позволяет донести выражаемую информацию с минимумом искажений. При этом эта информация, в силу субъект-объектной поляризации, транслируется в биполярном виде, что проявляется в законах классической логики (например, в законе исключенного третьего), выступающей языком науки как формы общественного сознания.

Выражение цельного знания через средства синтетического знания имеет многозначно-расплывчатый, характер. В то время как выражение цельного знания через средства аналитического знания требует достаточно однозначной четкой формы. Понятно, что цельное знание, парадоксальным образом интегрирующее синтетическое и аналитическое знания, должно и может быть передано посредством такого языка, который бы унифицировал когнитивные стратегии двух полярных типов знания – стратегии многозначности и однозначности, формируя такое миропонимание, в котором реалии мира рассматриваются как регулирующие одновременно двумя типами детерминации – циклическим и линейным.

Существует возможность моделирования цельного знания средствами аналитического знания через использование неклассических (многозначных, модальных и т. д.) логик. Здесь уместно привести одну из таких логик – индийскую, где в сфере отношений логических терминов утверждения и отрицания обнаруживаются четыре логически равнозначные альтернативы: либо утверждение; либо отрицание; и то, и дру-

гое одновременно; ни то, ни другое. Данную логику Ю. А. Урманцев использует для анализа "философско-мировоззренческих предпочтений". Здесь можно говорить о четырех альтернативах в плане соотношения категорий субъективного и объективного (материального и идеального): 1) Субъективную реальность как единственно возможную признают солипсисты (йогачары, Брюне, Беркли и др.). 2) Объективную реальность как единственно возможную признают вульгарные материалисты, "научные материалисты", чарваки, Демокрит, Бэкон, Маркс, Энгельс, Ленин и др. 3) Обе эти реальности как несводимые друг к другу, как взаимно паритетные признают дуалисты (Саутрантики, картезианцы). 4) Существование обеих реальностей отрицают мадхьямики [12].

В плане поведенческом четыре альтернативы находят воплощение в четырех равноправных типах поведенческих реакций, первая из которых вытекает из стремления человека приспособиться к миру; вторая – приспособить его к себя; третья совмещает первую и вторую реакции; четвертая – исключает обе эти реакции.

В плане детерминации можно также руководствоваться четырьмя онтологически равнозначными причинными конфигурациями, на равных правах входящими в сферу цельного знания: классическим линейным детерминизмом, циклопричинностью, причинностью, совмещающей в себе два вида причинности, и, наконец, таким типом причинности, который исключает первый и второй типы.

Обычный человек рассматривает мир сквозь призму линейной причинности, в рамках которой причина предшествует следствию. Такой взгляд на вещи есть воплощение картезианской рационально-инструментальной, директивно-манипуляторной, дискретно-дихотомической парадигмы познания и освоения мира. В рамках циклопричинности причина и следствие, потенциальное и актуальное не дифференцируются (что, кстати, имеет место в современной физике, где потенциально-возможный аспект мироздания выступает пред нами как одновременно и следствие. Концептуальную идеологию данного типа причинности выражает тоталогия – наука о целостностях [13]. В онтологических рамках третьего типа причинности, совмещающей в себе два вышерассмотренных типа, следствие может рассматриваться как предшествующее причине. Здесь поступок человека не вытекает из некой причины, а определяется будущими следствиями этого же поступка, что встречается в ситуациях, подобно той, когда жизнь наказывает человека за преступления, которые он совершит (или может совершить) в будущем.

Цельное знание, таким образом, раздвигая бытийные горизонты человека, делает его существом поистине космического масштаба, ибо в лоне цельного знания он постигает и реализует все возможные онтологические и гносеологические варианты самоактуализации.

Литература:

1. Лосев А. Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983. – С. 149–170.

2. Гегель Г. Сочинения. – М.: Изд. АН СССР, 1932–1958..
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958. – С. 83–88.
4. Кант И. Собрание сочинений в 6-ти томах. – М.: Мысль, 1963–1966.
5. Шляхин Г.Г. Аналитическое и синтетическое // Логика и онтология. – М.: Наука, 1978. – С. 185–187
6. Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. – М.: Наука, 1984. – С. 141.
7. Рычков Ю. Г. История как фактор генетического развития народонаселения // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 168.
8. Голыцын Г. А., Петров В. М. Гармония и алгебра живого. – М.: Знание, 1990. – С. 71.
9. Спрингер С., Дейч Т. Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983. – С. 230
10. Рыбаков В. Влияние непрерывного освещения животных на суточный ритм профилиративной активности их организмов // Журнал общей биологии, т. 11, № 5, 1979.
11. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. – М.: Высш.школа, 1991. – С. 21–22, 184.
12. Урманцев Ю.А. О формах постижения бытия // Вопросы философии, № 4, 1993. – С. 89–105.
13. Кизима В. В. Татологические аллюзии // Totallogy. Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України, 1995. – С. 20 – 131.

НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ИДЕАЛА ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Здесь мы поговорим о механизмах практического достижения цельного знания (рассмотренного нами в статье “О гносеологических и онтологических истоках цельного знания и его сущности”), которые обнаруживаются в концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека. Существуют три способа, или уровня, отражения и освоения человеком действительности: 1) конкретно-чувственный, эмоционально-образный, правополушарный, “открытый”; 2) абстрактно-логический, теоретический, левополушарный, “закрытый”; 3) парадоксально-медитативный, сочетающий первые два способа (энцефалографические исследования показывают, что в медитативном состоянии – “промежуточном” между сном и бодрствованием – полушария мозга, выступающие в обычном состоянии по отношению друг к другу, в известном смысле, функциональными антагонистами, функционально взаимно согласуются), когда в одном индивиде сочетаются две полярные стратегии отражения и освоения действительности – художественная и мыслительная. Здесь человек предстает гармонической личностью, характеризующейся балансом противоположностей, а отсюда – колоссальной мощью, ибо, как отмечает П. Вайнцвайг, гармония

как баланс противоположностей несет в себе огромное напряжение, а поэтому и колоссальную мощь [1].

Первый уровень постижения бытия есть уровень художественного мирозерцания, свойственного не только художникам и детям, но и дикарям. С позиции данного уровня мир постигается и осваивается многозначно и симультанно, как некое конкретно-чувственное, континуально-волевое целое, отражается прямо, непосредственно, метафорически, наивно, упрощенно и многозначно, в духе полного доверия и открытости, с позиции “здесь и теперь”, динамически, континуально-непрерывным образом, религиозно-мифологически [2], сакрально-ритуальным способом, в русле всеобъемлящей “космической симпатии” древнегреческих философов, эмпатически, когда человек сливается со средой своего существования, а субъект и объект познания приводятся к единству, обнаруживая принцип альтруизма – идеологию приспособления к миру посредством изменения самого себя. С позиции такого чувственно-художественного восприятия мира вся жизнь человека сакрализуется, утрачивается принципиальное различие между поступками и ритуальными действиями, а мир представляется в виде некоей сверхъестественной сущности.

Второй уровень постижения бытия – уровень мыслительно-рационального миропонимания, свойственный ученому, взрослому человеку, нашему современнику и характеризующийся рационально-прагматическим, опосредованным, инструментально-манипуляционным, однозначным подходом к рассмотрению феноменов действительности. С позиции данного уровня мир отражается и осваивается дискретно-множественным, дискурсивно-концептуальным, схематичным, мертвенным образом как некое дискретно-вещественное множество, отражается непрямо, опосредовано, сложно, в духе скептической рефлексии, закрытости, статичности, научно-теоретически, банально-обыденным образом, в русле атомизированного, дробящего все на отдельные элементы анализа, что позволяет человеку выделиться из среды своего существования и кристаллизоваться в изолированную, лично-индивидуальную сущность, разводящую субъект и объект познания по полюсам, отражающую мир принципиально биполярно-антиномическим способом, обнаруживая принцип эгоизма и возможность приспособляться к среде путем ее изменения, путем волеизъявления как способности совершать выбор во множественно-дискретном мире, который предстает в виде схематичного набора онтологических сущностей, приведенных к выхолощенно-абстрактным формам, познаваемым принципиально опосредовано.

Третий уровень постижения бытия представляет собой парадоксальное единство первых двух уровней, когда мир оказывается столь же многозначным, сколь и многозначным, столь же чувственно выражаемым, сколь и умопостигаемым, столь же единым, сколь и множественным, как абстрактным, так и конкретным, одинаково реальным и нереальным, иллюзорным. Словом, здесь мир воспринимается и осваива-

ется парадоксальным образом в духе творческого, просветленно-эвристического миропонимания.

Философский принцип единства мира позволяет нам заключить что, подобно тому, как развитие Вселенной идет от полевого плана (микромира) к вещественному плану (макромиру), а от него – к их синтезу и выходу в область парадоксально-интегрального бытия (жизни) как единства энтропийной и негэнтропийной тенденций развития Вселенной, так и эволюция человека в онто- и филогенезе, как показывает психология, идет от правополушарного психического модуса (у ребенка) к левополушарному (у взрослого), а от него – к их синтезу (у пожилого человека). Здесь обнаруживается состояние функционального синтеза полушарий, когда пожилой человек, обогащенный жизненным опытом, по сути превращается в ребенка с его пластической психикой и непосредственностью восприятия мира

Поговорим об образовательном аспекте достижения цельного знания. Он предполагает достижение единства право- и левополушарной природ человека в процессе его роста и образования, что практикуется некоторыми педагогами на интуитивном уровне, но пока еще не осознается ими как теоретическая реальность. Так, имеющая умопомрачительные успехи педагогическая система В. Ф. Шаталова, как оказывается, использует принцип полушарного синтеза, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями. Школьники при этом учатся целеустремленно и регулярно манипулировать одновременно двумя противоположными друг по отношению к другу рядами реалий нашей жизни, осуществляя их взаимную трансформацию, когда конкретное понимается через абстрактное, а абстрактное – через конкретное. Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству левополушарной и правополушарной сторон психической активности способствует выработке установки на "интегральную" психическую активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность. Интересно, что система В. Ф. Шаталова активизирует не только чисто абстрактно-логический (левополушарный), но эмоционально-образный (потребностно-мотивационный, правополушарный) аспекты психики, когда при развитии абстрактно-аналитического компоненте психической деятельности у детей активизируется и мотивационный компонент такой деятельности (учеба, подобно игре, становится самоцелью, превращается в самоценный, самодостаточный феномен), и, что самое удивительное, все дети при этом начинают рисовать. Актуализация одновременно правого и левого "аспектов" человека недвусмысленно свидетельствует о высокоразвитой интегрально-творческой форме психической активности, предполагающей единство логического и экспрессивного начал личности, кото-

рые в обычном состоянии представлены как конкурирующие и тормозящие друг друга.

Полушарный синтез предполагает с одной стороны наполнение абстрактным содержанием наших чувств, их рационализацию и контроль, а с другой – предполагает синергетическое перепрофилирование абстрактно-логического мышления человека, которое в данном случае перестает функционировать в режиме сутобо однозначного отражения окружающего мира. Человеческое существо при этом превращается в открытую гармоническую систему, способную усваивать огромные массивы информации, воспринимать мир не критически, с полным доверием. Синергия абстрактно-теоретических схем приводит к абсолютному теоретическому согласованию наших знаний о мире, который при этом перестает восприниматься как нечто неопределенное. Характерными особенностями такого гармонического существа становятся толерантность и фундаментальный оптимизм, обусловленные открытостью к миру и спонтанностью поведения, вытекающего из медитативного, творческого состояния, в котором гармонический человек пребывает практически постоянно.

Поговорим о воспитательном аспекте достижения цельного знания. Э. Берн [3] пишет, что структура детства выступает сценарием дальнейшей жизни человека. Действительно, ребенок (особенно в раннем возрасте) представляет собой в основном правополушарное, то есть бессознательное существо. Все моменты раннего детства схватываются ребенком целиком и не критически на уровне бессознательного пласта психической деятельности, то есть усваиваются как руководство к действию в духе *положительной обратной связи*. Это обстоятельство способствует формированию множества психологических установок, как положительных и отрицательных. Положительные установки мы определяем как те, которые стимулируют те или иные действия (такие, например, как мытье рук перед едой и т. д.). Отрицательные установки мы определяем как те, которые выступают в качестве запретителя тех или иных действий (“не пей холодную воду, не балуйся, не сморкайся громко”). В достаточно взрослом возрасте человек характеризуется полушарной асимметрией и развитием левого, скепτικο-аналитического полушария, которое, в отличие от правого полушария, функционирует по правилу *отрицательной обратной связи* (“от противоположного”), когда все, воспринимаемое на уровне сознания (левополушарного аспекта психики), имеет тенденцию приниматься “в штыки”, то есть подвергается критическому анализу. Поэтому все установки, которые были сформированы у ребенка, особенно в раннем детстве, у взрослого начинают перепрофилироваться, взаимопревращаются: положительные — в отрицательные, а отрицательные — в положительные, когда у человека наблюдается склонность делать все то, чему его учили в детстве, но с точностью до наоборот. Именно поэтому в семьях религиозно настроенных людей практически никогда не возвращаются религиозные дети.

Вывод: у ребенка нужно формировать нейтрально-парадоксальные установки, которые дают простор для развития и не

закрепощают, не программируют, не зомбируют его. Именно такие установки формируются вне поля моральной деятельности общества, которая является глубоко дуальной, антиномичной (не нейтральной). Нейтрально-парадоксальные установки формируются на базе полушарного синтеза, который как предпосылка для развития гармонической личности в плане воспитания предполагает формирование понимания парадоксальной диалектики мира и слитности полярных нравственных качеств личности, осознание того, что человек – это цельная сущность, носитель целостного континуума нравственно-маркированных свойств, пороки и добродетели в котором есть лишь "полюса" морального магнита, способного менять свои знаки и обнаруживать бездну моральных потенций, при этом все нравственные качества человека оказываются равнозначными "ресурсами" психики, необходимы ему для эволюции. Чудо целостности предполагает сплавление и аннигиляцию, взаимное уничтожение полярных, исключаящих друг друга нравственных основ социального существа и кристаллизацию "космического" существа, стоящего "по ту сторону социального добра и зла" и руководимого силой "космической" нравственности, образцы которой нам даны в концепциях И.Канта, В. И. Вернадского, Тейяре де Шардена и других мыслителей, стремящихся преодолеть относительность и условность механизмов моральной регуляции человеческого поведения.

Проанализируем психологический аспект достижения цельного знания. Здесь мы остановимся на анализе динамики двух планов организма, право- и левополушарного, которые, как учит психология, функционально дополняют друг друга и поочередно сменяются в процессе жизнедеятельности, фиксируя промежуточную, граничную фазу, *цельное знание*, в которой эти планы сплавляются и взаимно трансформируются. На практике данный процесс естественным образом реализуется в сфере решения проблемы, которая актуализируется сначала на уровне правого мотивационного полушария как феномена наглядно-действенного, предметного мышления, то есть на уровне конкретной поведенческой ситуации. Далее процесс решения проблемы пересекает граничную нейтральную "нулевую" точку, промежуточную между право- и левополушарными функциями (где полушария функционально синхронизируются), что сопровождается трансом, выходом на интуитивно-эвристический, парадоксально-медитативный уровень постижения мира, где и обнаруживается цельное знание. Затем процесс перетекает в сферу левополушарных функций, где тот или иной фрагмент цельного знания преобразуется в абстрактно-знаковое содержание, либо в волевой импульс (известно, что волевое усилие реализуется на уровне левого полушария), что и выступает в виде результата решения проблемы.

Переход через нуль и выход на качественно новый уровень актуализации того или иного явления – есть выражение схемы магических действий, которые, как полагали мистики, призваны преодолеть инертность стихий природы. Данный механизм мы встречаем у В. И. Леви под названием "эхо-магнит", который предлагает способ преодоления собственного слабоволия, нерешительности: сначала человек актуализи-

рует свое желание (у нас это правополушарный мотивационный процесс); далее он достигает психического состояния тотального отказа от своего желания, безволия и протрации. Потом при выходе из состояния протрации желание естественным образом исполняется, так как воля к совершению того или иного действия значительно активизируется (что реализуется на уровне левого полушария).

Данная схема в буддизме согласуется с четырьмя уровнями постижения реальности человеком: "На первой и второй стадиях иллюзию преодолевает соответственно субъект и объект... На третьей стадии отбрасываются и субъект, и объект, но различие между ними все еще остается. Этот уровень отрицания относится к состоянию сознания в предельно напряженном созерцании. Только на четвертой стадии достигается отсутствие всех противопоставлений субъекта и объекта. Реальность осознается в ее окончательном единстве" [4].

Можно сказать, что любой процесс перехода из одного состояния в другое обнаруживает, нуль-переход (цельное знание), некое пограничное состояние, "чистую экзистенцию", характеризующуюся пространственно-временной парадоксальностью, ибо здесь прошедшего, по выражению Блаженного Августина, уже нет, а будущего еще нет.

В заключение скажем, что целью развития человека является состояние целостности. Достижение данного состояния предполагает процесс слияния противоположностей. Единство противоположностей в плане цикло-континуальном может пониматься как замыкающийся на себя процесс развития человека, как круг (когда человек понимается как уже изначально заключающий в себе цель своего развития), а в плане линейно-диахроническом целостность может интерпретироваться в виде перехода из одного динамического состояния в другое, в виде точки, границы между этими двумя различными (и противоположными) состояниями, в которой, говоря языком линейного детерминизма, причина переходит в следствие, когда предыдущего состояния уже нет, а последующего еще нет. Таким образом, целое (или нулевая реальность, цельное знание) есть точка метаморфозы, преобразования одного в другое.

Как бы мы не характеризовали "нулевую реальность" (или цельное знание), суть остается одной: она, выражаясь языком метафоры, является воротами к бессмертию и вечной подлинной жизни, целью и смыслом всякого существования. Каждое мгновение, минуту, час, год мы "пересекаем" эту реальность, долго в ней не задерживаясь и одновременно пребывая с ней вечно (как показали некоторые исследователи, мгновение и вечность, по сути, представляют собой одно и то же). Она наделяет нас чувством освобожденности, покоя, высшим блаженством. Занимаясь различными делами, вовлекаясь в те или иные формы жизнедеятельности, мы, не отдавая себе отчета, "генерируем", "добываем", актуализируем эту реальность, ибо всякая активность, будучи изменением, развитием, движением, осуществляется волнообразно, колебательным, синусоидальным образом, а любая волна в процессе самораз-

ворачивания фиксирует нейтральные нулевые фазы, графически представленные на синусоиде в виде нулей функции.

Литература:

1. Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М., Прогресс, 1990. – С. 35.
2. Пучинская Л. М. Демоны правого полушария // Человек, № 1, 1996, С. 30–38.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Изд. ЦОЦ, 1996. – С. 192–206.
4. Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Индия и Китай. – СПб., Орис, 1994. – С. 234–235.

МЕЖПОЛУШАРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СНОВИДЕНИЙ И ИХ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Значение сновидений в жизни человека трудно переоценить. Можно сказать, что сновидения представляют собой некую “параллельную” реальность, психосоматически равномогущую бодрственной реальности. Сущность этой сновидческой реальности во многом остается загадкой, проникнуть в которую можно, используя как прямые (экспериментальные), так и косвенные данные. Последние могут выступать эффективным эвристическим средством, позволяющим достичь адекватного понимания феномена “быстрого сна”. Именно косвенные данные дают возможность выбраться из “порочного круга” “специального” анализа проблемы сновидений, рассмотреть ее в более широком когнитивном контексте, выявить и понять те связи и отношения, которые с позиции узко “специального” анализа остаются принципиально скрытыми: известно, что понимание того или иного аспекта действительности требует его целостного охвата, выхода за грань конкретного онтологического и гносеологического контекста его актуализации.

Наш анализ психотерапевтической роли сновидений базируется на представлениях, почерпнутых из научной теории физиологического сна И. П. Павлова, концептуального аппарата кибернетики, синергетики как науки об открытых, неравновесных, нелинейных процессах, теории самоорганизации, а также на концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека, которая нами развивается [8, 4].

Все излагаемое ниже грешит некой упрощенностью и одномерностью, однако упрощенные концептуальные схемы позволяют выразить максимум информации в кратчайшее время, что соответствует идеалу Красоты, ибо, по одному из ее определений, красота есть то, что “доставляет наибольшее количество информации в кратчайшее время” (Гемстергейст).

Существуют три способа, или уровня, отражения и освоения человеком действительности:

- 1) конкретно-чувственный, эмоционально-образный, правополушарный, “открытый”; 2) абстрактно-логический, теоретический, левополушарный, “закрытый”; 3) парадоксально-медитативный, сочетающий

первые два способа (энцефалографические исследования показывают, что в медитативном состоянии — “промежуточном” между сном и бодрствованием — полушария мозга, выступающие в обычном состоянии по отношению друг к другу, в известном смысле, функциональными антагонистами, функционально взаимно согласуются), когда в одном индивиде сочетаются две полярные стратегии отражения и освоения действительности — художественная и мыслительная. Здесь человек предстает гармонической личностью, характеризующейся балансом противоположностей, а отсюда — колоссальной мощью, ибо, как отмечает П. Вайнцвайг, *гармония как баланс противоположностей несет в себе огромное напряжение, а поэтому и колоссальную мощь* [3, С. 35].

С позиции парадоксального миропонимания, претендующего на отражение полноты Истины как “единства противоположностей” (С. Б. Церетели), мир открывается как подлинная и одновременно парадоксальная сущность, интегрирующая такие дихотомические категории, как единое и множественное, однозначное и многозначное, конкретное и абстрактное, чувственно-экспрессивное и абстрактно-теоретическое, экстравертированное и интравертированное, простое и сложное, субъективное и объективное, потенциально-возможное и актуально-действительное... не дифференцируются.

Первый уровень постижения бытия есть уровень художественного мирозерцания, свойственного не только художникам, но и дикарям, детям. С позиции данного уровня мир постигается и осваивается многозначно и симультанно, как некое конкретно-чувственное целое, отражается прямо, непосредственно, метафорически, наивно, упрощенно и многозначно, в духе полного доверия и *открытости*, с позиции “здесь и теперь”, динамически, континуально-непрерывным образом, религиозно-мифологически [14], сакрально-ритуальным способом, в русле всеобъемлющей “космической симпатии” древнегреческих философов, эмпатически, когда человек сливается со средой своего существования, а субъект и объект познания приводятся к единству, обнаруживая принцип альтруизма — идеологию приспособления к миру посредством изменения самого себя. С позиции такого чувственно-художественного восприятия мира вся жизнь человека сакрализуется, утрачивается принципиальное различие между поступками и ритуальными действиями, а мир представляется в виде некой сверхценной сущности.

Второй уровень постижения бытия — уровень мыслительно-рационального миропонимания, свойственный ученому, взрослому человеку, нашему современнику и характеризующийся рационально-прагматическим, опосредованным, инструментально-манипуляционным, однозначным подходом к рассмотрению феноменов действительности. С позиции данного уровня мир отражается и осваивается дискретно-множественным, дискурсивно-концептуальным, схематичным, мертвенным образом как некое множество, отражается непрямо, опосредовано, сложно, в духе скептической рефлексии, *закрытости*, статичности, научно-теоретически, банально-обыденным образом, в русле атомизированного, дробящего все на отдельные элементы

анализа, что позволяет человеку выделиться из среды своего существования и кристаллизоваться в изолированную, личностно-индивидуальную сущность, разводящую субъект и объект познания по полюсам, отражающую мир принципиально биполярно-антиномическим способом, обнаруживая принцип эгоизма и возможность приспособливаться к среде путем ее изменения, путем волеизъявления как способности совершать выбор во множественно-дискретном мире, который предстает в виде схематичного набора онтологических сущностей, приведенных к выхолощенно-абстрактным формам, познаваемым принципиально опосредовано.

Третий уровень постижения бытия представляет собой парадоксальное единство первых двух уровней, когда мир оказывается столь же многозначным, сколь и многозначным, столь же чувственно выражаемым, сколь и умопостигаемым, столь же единым, сколь и множественным, как абстрактным, так и конкретным, одинаково реальным и нереальным, иллюзорным. Словом, *здесь мир воспринимается и осваивается парадоксальным образом в духе творческого, просветленно-эвристического миропонимания.*

Философский принцип единства мира позволяет нам заключить что, подобно тому, как развитие Вселенной идет от полевого плана (микромира) к вещественному плану (макромиру), а от него — к их синтезу и выходу в область парадоксально-интегрального бытия (жизни) как единства энтропийной и неэнтропийной тенденций развития Вселенной, так и эволюция человека в онто-и филогенезе идет от правополушарного психического модуса (преломленного в рамках художественного, гиперстенического, циклотимного конституционального типа) к левополушарному (преломленному в рамках мыслительного, астенического, шизотимного конституционального типа), а от него — к их синтезу.

Отметим, что, как мы уже писали, при функциональном преобладании правого полушария человек воспринимает мир с полным доверием, в духе мистико-религиозного, мифологического мирозерцания; кроме того, в состоянии гипнотического транса активно правое полушарие [8, 9], которое активно и в состоянии сна со сновидениями [5, С. 44–53, 138], где имеет место активизация половой функции человека [11], о чем мы еще будем писать в данной статье. В состоянии же полового акта имеют место гипнотические фазы [6, С. 155]. Поэтому З. Фрейд оказывается прав: *если развитие человека идет от правого полушария к левому, то это означает, что он при этом освобождается от уз актуальной данности, от сексуальности, эмоциональности и солнамбулизма, когда возможность начинает доминировать над данностью и когда человеческое существо попадает в тенеты дискретно-изолирующего левополушарного видения мира.*

Итак, человек начинает свой жизненный путь как правополушарное, созерцательное, “женское”, “открытое” существо, просто существующее в соответствии с принципом “реальности”, просто констатирующее тот или иной порядок вещей, принимая мир таким, каков он есть в соответствии с “принципом реальности”, который мы находим как у З.

Фрейда, так и Ж. Пиаже. Потом человек возрастает до уровня “мужской” левополушарной рефлексии, что позволяет проложить границу между внутренним и внешним, на которой и строится “Я” как нечто автономно-дискретное, определенное, граничное и принципиально “закрытое”.

Открытость позволяет существовать в плане целостно-континуального, энерго-полевого, циклопричинного, динамичного, вечного, многозначно-парадоксального женственного космоса, формы которого характеризуются слитностью, непрерывностью, взаимным проникновением и отсутствием торжества суверенно-автономного, эгоцентрического начала. В человеческом организме этому модусу соответствуют подсознательные (бессознательные) правополушарные механизмы психики, доминирование которых характерно в той или иной степени для животного, дикаря, ребенка, мистика, юродивого, сомнамбулы, медиума, лица, находящегося в гипнотическом трансе, человека с пассивной жизненной позицией, приспособляющегося к внешней среде, отражающего и осваивающего мир в духе положительной обратной связи. В патологическом выражении этот модус дает нам мазохиста, а также человека, страдающего циклическими (“циклопричинными”) неврозами, в частности, маниакально-депрессивным психозом, эмоционально-лабильного существа с развитой первой сигнальной системой, способного опереживать душевным движениям других людей, направленного на создание сверхценного образа или идеи, стремящегося тотализовать мир в виде единого сверхпринципа.

Закрытость предполагает существование в дискретно-атомарном, вещественно-информационном (информация — функция управления), манипуляционно-множественном, линейно-причинном, статическом, хрональном, однозначном космосе, который Н. О. Лосский назвал “психоматериальным царством вещественно непроницаемых форм”, характеризующихся дискретностью, ограниченностью, определенностью, свободой, способностью к взаимной манипуляции и волеполаганию, к выражению своего эгоцентрично-суверенного начала, к существованию в духе отрицательной обратной связи. В человеческом организме этому модусу соответствует сознательный левополушарный механизм психической активности, который характерен для интеллектуальных существ с активной жизненной позицией, приспособляющих внешнюю среду к своим прихотям. В патологическом выражении этот модус дает нам садиста, а также человека, страдающего психозом (“расщепленностью”, “множественностью” психики) — холодно-отстраненного, эмоционально-тупого существа с развитой второй сигнальной системой, стремящегося все классифицировать, детализировать, концептуализировать, схематизировать.

Уточним, что эволюция человека и космоса в целом начинается от некоего “нейтрального” центра по пути расщепления его на правый и левый модусы (состояния открытости и закрытости), причем, левый модус представлен как потенциально-возможный, а правый — как актуально-действительный, как актуальная данность. Дальнейшее развитие

идет от правого к левому, от “здесь и теперь” к осознанию будущего и способности предвосхищать будущее на основе аналитической рефлексии, присущей левому модусу, от которого наблюдается движение к синтезу правого и левого (данную схему можно ставить с ленинской: “от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике”).

Для того, чтобы достичь состояния этого синтеза правого и левого, необходимо левый, сознательный аспект привести в лоно правого, то есть трансформировать абстрактно-логические, опосредовано-однозначные, разорванные, дискретные схемы в многозначно-парадоксальный космос смысла. Данная схема находит свое отражение в динамике двух относительно противоположных сторон жизнедеятельности человека — состояний **сна** и **бодрствования**, которые диалектически переходят друг до друга. Они в целом коррелируют с активностью правого и левого полушария головного мозга человека [10, 15]. Можно сказать, что *состояние бодрствования* в основном регулируется “доминантным” левым полушарием, организующим волевое усилие [12, С. 78–80] и обеспечивающим реализацию произвольного, второсигнального аспекта человека, соотносящегося с его сознанием. Правое полушарие, будучи генетически древнее левого, в состоянии бодрствования функционирует как диалектический антагонист левого, обнаруживая разворачивание биоритмической активности организма. В *состоянии сна* организм переходит в сферу непроизвольной, первосигнальной, подсознательной регуляции [7], при этом тут также обнаруживается функциональный взаимный оборот полушарий, когда “медленный сон” “регулируется” левым, а быстрый — правым полушарием [5].

Эти факты помогают углубить понимание психотерапевтической роли полушарной динамики. В состоянии бодрствования человек, как в основном левополушарная сущность, формирует множественно-дискретную, линейно-причинную реальность, где каждый предмет отражается как опосредованный другими, поскольку, как писал В. И. Ленин, “мы не можем мыслить и воспринимать мир, не остановив движущегося, не омертвив живого...”. Здесь человек предстает как расщепленное, множественное, противоречивое существо, как относительно неинтегрированный набор психосоматических состояний (которые во многом взаимно не согласованы функционально), как индивид, характеризующийся состоянием “фундаментального неотреагирования”. Выражаясь языком психоанализа, можно сказать, что здесь мы имеем человека в виде конгломерата неотреагированностей — обрывочных незавершенных реакций, “вытесняющихся” в сферу бессознательного, континуальная природа которого позволяет “сжимать”, “складировать” линейные цепи отдельных реакций в целостно-циклическую упорядоченную психосферу. В дальнейшем, “сжатые неотреагированности” (“фрустрированная эмоциональная энергия”, “энграммы мозга”) обнаруживают тенденцию к самопогашению в виде неадекватных реакций, некоторые из которых могут принимать вид творчества, а также формировать ценностные структуры.

Итак, левое полушарие, которое, в известной мере, доминирует в состоянии бодрствования, воспринимает мир знаково-символическим образом, а мир при этом представляется как во многом асимметричная, множественная сущность. Вот почему принципиальным психотерапевтическим “заданием” человека является сенсогенное осознание и интеграция розрозненных элементов жизненного опыта, приведение их в синергетическое (целостное, энергоизбыточное, негэнтропийное) состояние, вне которого человек предстает как энергонедостаточное, энтропийное, неупорядоченное, расщепленное существо, испытывающее потребность в психотерапевтическом вмешательстве, главная лечебная идеология которого состоит в формировании условий для построения психосоматической целостности через *сенсогенную* (смыслонесущую) интеграцию стрессорных факторов, приведение знаково-вербальных моментов человека (отражающих соответствующий уровень дезинтеграции психики) к общему нейролингвистическому “знаменателю” [1]. То есть множественно-символический, контрастно-дихотомический, противоречиво-антиномический левополушарый дух бодрственного состояния приводит к формированию противоречивых психологических состояний и установок, которые должны быть интегрированы в психосоматическое и ментальное единство через гармонизацию множественно-символического базиса человеческой психики, который мы называем сознанием. Эта гармонизация осуществляется через формирование цельного мировоззрения человека, через интеграцию образов и идей, мыслей и чувств, убеждений и поведения, сознания и подсознания.

Таким образом, состояние бодрствования, где царит дух принципиального взаимного опосредования предметов и явлений (где все предстает в виде набора несвязанных до конца, незавершенных фрагментов действительности, непонятных событий, линейно-энтропически незавершенных психических состояний) способствует развитию негармоничных, энергонедостаточных психосоматических состояний, которые “выравниваются” в фазе “быстрого сна” (сна со сновидениями), когда активно правое полушарие, базис подсознательного, отражающего мир принципиально целостно. В функциональной сфере правого полушария мир предстает как нечто единое, а стрессорно-антагонистические состояния психики приводятся к гармонии, что и проявляется в форме сновидений, которые иллюстрируют сам процесс этого приведения (об интегративно-синтетичной роли сна см.: [23, 19]), когда отдельные звенья нашего дневного опыта начинают связываться нелогичным, циклопричинным, парадоксальным сновидческим образом, что и иллюстрируется высказыванием И. М. Сеченова о сновидении как о “небывалой комбинации бывалых впечатлений”. Здесь человек превращается в циклопричинную, энергоизбыточную, негэнтропийную сущность, обнаруживая феномен энергетической “подпитки”, “подзарядки”, а также психокоррекции, что имеет место не только в состоянии быстрого, но и медленного сна, где, как свидетельствуют некоторые исследования, человек не видит снов, но у него включаются “логические операции”, ко-

торые направлены на логико-символическое “согласование” фактов действительности.

Необходимо отметить, что “задания обучения, которые требуют значительной концентрации различных способностей, приводят к увеличению продолжительности “быстрого сна” [11, С. 216], что доказывает, что сон со сновидениями играет интегративную роль, связанную с механизмом “перепрограммирования мозга, направленного на разрушение границ между конфликтующими функциями” [22], то есть с механизмом, направленным на обеспечение взаимодействия сознания и подсознания [11].

Повторим, что в состоянии сна со сновидениями человек, во-первых, ощущает половое возбуждение, во-вторых, правое полушарие активно в состоянии гипнотического транса. Кроме того, в процессе полового контакта обнаруживаются гипнотические фазы. *Таким образом, в состоянии “быстрого сна”, выступающего как программирующий суггестивный фактор, у человека формируются психологические установки, которые во многом определяют его дальнейшее поведение. Именно поэтому сюжеты сновидений выступают в виде пророчеств.* Как видим, мы, по сути, постоянно пребываем в состоянии “своеобразной постгипнотической драмы низшего уровня” [13, С. 34]. *Отсюда можно заключить, что образно-метафорический аспект социальной действительности, преломленный в религии и искусстве, играет роль программатора человеческого поведения.*

Получается, что процесс сна со сновидениями предстает как программирующий суггестивный фактор будущего поведения человека, а с другой стороны, — есть следствием его прошлого поведения и функционирует как средство гармонизации психических процессов [11]. То есть, *причина (дневное существование) и следствие (сон со сновидениями) являются одним и тем же, “сновидением в сновидении”.*

Данный вывод мы находим у Э. Берна [2, С. 192–206], который пишет, что структура детства выступает сценарием дальнейшей жизни человека. Дело в том, что ребенок (особенно в раннем возрасте) представляет собой в основном правополушарное, то есть бессознательное существо. Все моменты раннего детства схватываются ребенком целиком и некритически на уровне бессознательного пласта психической деятельности, то есть усваиваются как руководство к действию в духе *положительной обратной связи*. Это обстоятельство способствует формированию множества психологических установок, как положительных и отрицательных. Положительные установки мы определяем как те, которые стимулируют те или иные действия (такие, например, как мытье рук перед едой и т. д.). Отрицательные установки мы определяем как те, которые выступают в качестве запретителя тех или иных действий (“не пей холодную воду, не балуйся, не сморкайся громко”). В достаточно взрослом возрасте человек характеризуется полушарной асимметрией и развитием левого, скепτικο-аналитического полушария, которое, в отличие от правого полушария, функционирует по правилу *отрицательной обратной связи (“от противоположного”)*, когда все, воспринимаемое

на уровне сознания (левополушарного аспекта психики), имеет тенденцию приниматься "в штюки", то есть подвергается критическому анализу. Поэтому все установки, которые были сформированы у ребенка, особенно в раннем детстве, у взрослого начинают перепрофилироваться, взаимопревращаться: положительные — в отрицательные, а отрицательные — в положительные, когда у человека наблюдается склонность делать все то, чему его учили в детстве, но с точностью до наоборот. Именно поэтому в семьях религиозно настроенных людей практически никогда не возвращаются религиозные дети.

Вывод: у ребенка нужно формировать нейтрально-парадоксальные установки, которые дают простор для развития и не закрепощают, не программируют, не зомбируют его. Именно такие установки формируются вне поля моральной деятельности общества, которая является глубоко дуальной, антиномичной (не нейтральной).

Итак, фаза "быстрого сна" интегрирует разрозненные (фрустрационные) впечатления дня, которые являются таковыми именно в силу доминирования в бодрствующем состоянии функций левого полушария, подавляющего автоматизмы правого и мешающего человеку вести себя спонтанно-естественным, "диким" образом. То есть в фазе "быстрого сна", характеризующегося активностью правого полушария, гармонизируются неотрагированности (явившиеся результатом дезинтегративной деятельности левого полушария), когда функции правого и левого полушарий (подсознания и сознания) приводятся к некоему единству и закрепляются в виде психологических установок, которые в бодрственном состоянии могут конфликтовать с активностью левого полушария и проливаться в мир в виде внешне немотивированных поведенческих актов.

Здесь нужно сказать и то, что процесс гармонизации психосферы человека в состоянии быстрого сна обеспечивается правым полушарием, в рамках которого исчезает граница между внутренним и внешним, "Я" и "не-Я", когда агрессивные импульсы человека, обращенные вовне, перепрофилируются и обращаются на него же, что приводит к формированию "ущербных" психологических установок, которые в бодрственном состоянии при известных условиях принуждают человека к аутоагрессии.

Приведем выводы исследования Ф. Данбар. Длительное время она проводила исследования в травматологическом отделении одной нью-йоркской больницы, в результате чего подтвердила наличие феномена, на который обратили внимание сотрудники страховых компаний: люди, по вине которых когда-либо произошел несчастный случай на дороге, снова попадали в аварию с гораздо большей вероятностью, чем те, кто никогда не переживал автомобильных катастроф. Она установила, что большинство "типов, предрасположенных к авариям" неосмотрительной ездой высвобождают свою агрессивность. Но еще важнее было ее открытие, что некоторые водители подсознательно стремились причинить себе боль [см. 17, С. 350–358].

Все вышесказанное позволяет заключить, что функциональная гармонизация полушарий мозга является исковой целью психотерапии, обнаруживающей два принципиально различных подхода к лечению пациентов. С одной стороны, психотерапия жаждет сформировать спонтанно-естественную, творчески-интуитивную модель поведения, превратив человека в “самореализованного” индивида, по А. Маслоу (*“там, где было Я должно стать Оно”*). С другой стороны, психотерапия стремится выявить подсознательно закрепленный фрустрационный момент в виде той или иной “патологической” установки и обеспечить ее устранение посредством повторного “проигрывания” фрустрационного момента через его осознание (*“там, где было Оно, должно стать Я”*). Как в первом, так и во втором случае правополушарный и левополушарный модулы человеческой психики приводятся к общему функциональному “знаменателю”, что отвечает йоговскому принципу: каждая мысль должна быть прочувствована, а каждое чувство — осознанно.

Одним из примеров вышеприведенных психотерапевтических схем может служить метод “парадоксальной интенции” В. Франкла [18, С. 50], когда негативная психологическая установка, закрепленная на уровне правого полушария, не только осознается, но и начинает приводиться в действие через волевое усилие, которое реализуется в сфере левополушарных механизмов. Тут можно говорить и про практику “осознанных сновидений”, которая устраняет неврозы через контролируемое осознание аффективных ситуаций [11].

Контролируемые сновидения, где соединяются право- и левополушарные функции человека, позволяют человеку в бодрственном состоянии воспринимать мир как иллюзию, как сон [21], что, в свою очередь, позволяет ему вести себя спонтанным образом, используя ресурсы правого полушария (подсознания). В состоянии же быстрого сна человек может воспринимать реальность осознанно и контролируемо, достигая “самоинтеграции и внутренней гармонии” [11, С. 20; 23]. Можно говорить, что здесь мы добиваемся слияния сна и бодрствования, сознания и подсознания.

Отметим, что если состояние бодрствования характеризуется доминированием левого, а “быстрый сон” — правого полушария, то данная закономерность наблюдается не у всех людей. Как показали исследования В. В. Аршавского, у представителей народов, которые живут в северо-восточных районах Евразии в состоянии бодрствования относительно усилена активность правого полушария [16], что говорит о том, что у народов, находящихся на относительно примитивном, “сновидческом”, религиозно-мифологическом уровне развития, первую скрипку играет правое полушарие, формирующее юнговские архетипы коллективного бессознательного, принципиально подобные схемам установок, кристаллизующихся в состоянии “быстрого сна”, который, кстати, по своим психофизическим параметрам имеет много общего с состоянием гипнотического транса.

Литература:

1. Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. В 2-х томах. – СПб., 1993., т. 1, 174 с., т. 2, 225 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Изд. ЦОЦ, 1996. 397 с.
3. Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М., Прогресс, 1990. 192 с.
4. Вознюк О. В., Тичина О. Р. Людина, що навчається: головні аспекти нової парадигми освіти. – Житомир: Волинь, 1998. 229 с.
5. Голубева Е. А. Индивидуальные особенности памяти человека. – М.: Педагогика, 1980. 151 с.
6. Долин А. О., Долина С. А. Патология высшей нервной деятельности. – М.: Высш. школа, 1972. 384 с.
7. Звоников М. Д. Лечебный гипноз в практической медицине. – Житомир: Полесье, 1999. 269 с.
8. Звоников В. М., Стрельченко А. Б. Изменение некоторых психических и моторных функций человека при моделируемой доминантности полушарий головного мозга внушением в гипнозе // Аппаратура и методы исследования деятельности оператора. – М.: Наука, 1989, С. 101–106.
9. Каструбин Э. М. Трансовые состояния и "поле смысла". – М.: КСП, 1995. 215 с.
10. Красноперов О. В., Панченко А. Л. Соотношения функциональной асимметрии мозга, влияющие на субъективную характеристику сна, и психологические свойства личности // Психологический журнал, т. 12, № 2, 1991, С. 78–83.
11. Лаберж С. Осознанное сновидение. Практика осознанного сновидения. – К.: София, 1996. 288 с.
12. Немчин Е. А. Состояния нервно-психического напряжения. – Л.: Изд. ЛГУ, 1983. 167 с.
13. Психотерапия и духовные практики. – Минск: Вида-Н, 1998. 320 с.
14. Пучинская Л. М. Демоны правого полушария // Человек, № 1, 1996, С. 30–38.
15. Ротенберг В. С. Адаптивная функция сна. Причины и проявления ее нарушения. – М., 1982.
16. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. – М.: Наука, 1984.
17. Таранов П. С. Управление без тайн. – Донецк: Сталкер, 1997. 400 с.
18. Франк В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. 368 с.
19. Crick F., Mitchison G. The function of dream sleep // Nature, 304, 1983. P. 111–114.
20. Dallet J. Theories of dream function // Psychological Bulletin, ? 6, 1973. P. 408–416.
21. Evans-Wentz W. Y. (ed). The Yoga of the Dream State. – N. Y.: Julian Press, 1964. P. 221.

22. Greenberg R., Pearlman C. Cutting the REM nerve: An approach to the adaptive role of REM sleep // *Perspectives in Biology and Medicine*, 17, 1974. P. 523-521.

23. Hobson J. A., McCarley R. W. The brain as a dream-state generator: An activation-synthesis hypothesis of the dream process // *American Journal of Psychiatry*, 134, 1977. P. 1334-1248.

24. Sparrow G. S. *Lucid dreaming: the dawning of the clear light*. – Virginia Beach: ARE Press, 1976. – P. 26-27.

К ПРОБЛЕМЕ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Социально-исторические изменения, свидетелями которых мы являемся, требуют построения холистической парадигмы образования, вытекающая из диалектики развития человеческой цивилизации. Если в начале истории человечества учитель выступал в роли священника, который осуществлял процесс обучения как акт инициации, а позднее учитель оказывается сущностью, которая передает готовые знания, то с XIX век духовное производство становится массовым явлением. Привилегированное положение интеллектуала, который “приобщает к Истине”, ныне подвергается сомнению. Эта потеря интеллектуалом “учительской” позиции означает, что теперь преподаватель и ученик находятся в равном положении по отношению к истине, и что уже недостаточно лишь передавать готовые знания. Необходимо раскрывать для учеников сам процесс рождения знания [15, с. 178], при этом процесс обучения и воспитания из “субъект-объектного” превращается в “субъект-субъектный”, холистический, интерактивный акт.

Мы как бы возвращаемся к сакральным истокам человеческой цивилизации, но на более высоком уровне развития, что является универсальным принципом жизни и вообще любого развития. Как писал П.К. Анохин, “с широкой биологической точки зрения, также как и с точки зрения философского анализа роли пространственно-временной структуры мира, движение материи по последовательным ритмически повторяющимся фазам является универсальным законом, определяющим основную организацию живых существ на нашей планете” [3, с. 14-15].

Фактор целостности в новейшее время находит свою реализацию в феномене *постмодернистского мышления*, направленного на достижение целостного отражения действительности, реализуемого на путях преодоления принципа асимметрии категориальных оппозиций, которые предполагают рассмотрения мира чрез призму асимметрических принципов, когда в каждом конкретном случае отдается предпочтение одной их двух парных (асимметрических) позиций, таких, например, как “материальное-идеальное”, “детерминизм-индетерминизм”, “объективное-субъективное” и др. Эта особенность постмодернистского сознания объясняет многие особенности современной научной прагматики. В частности, она проясняет, почему наука эпохи постмодерна концентрирует свой интерес на изучении “неопределенностей”, “дуальностей”, “дополнительностей”, “неразрешимостей”, на выяснении пределов контро-

лируемой точности, на исследовании конфликтов при неполной информации, на разработке теории катастроф, бифуркаций, спонтанных нарушений симметрии [11, с. 240-241].

Таким образом, рассмотренные выше процессы отражают стремление современной науки выйти на новый, холистический уровень познания и освоения бытия, что предполагает построения новой холистической парадигмы образования. Задачей нашей статьи есть рассмотрение некоторых аспектов данной парадигмы, основывающейся на концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека

В наше бурное время средняя и высшая школа занята лихорадочными поисками своего “нового лица”, ей приходится коренным образом пересматривать свои педагогические приоритеты, переоценивать дидактические ценности, искать принципиально новые методы обучения и воспитания, активно экспериментировать. С другой стороны, школа как социальный институт сейчас переживает тяжелейший кризис, перестав отвечать ожиданиям общества. Общеизвестно, что на протяжении многих десятилетий, если не столетий, школа делала что-то не то, когда, как считает Ш.А. Амонашвили, “личность ребенка стала понятием чуждым для “педагогической теории и практики”, когда “все было направлено на то, чтобы формировать у школьников знания, но даже сверхсовременные знания, как бы прочно ни были они усвоены, сами по себе не рожают личность, не формируют у школьников систему отношений и убеждений” [1, с. 146]. Данную мысль можно проиллюстрировать тезисом А.Н. Леонтьева о возможности обнищания души при обогащении информацией. И.С. Кон пишет, что во всех странах социологи и экономисты констатируют колоссальный разрыв между растущей стоимостью образования (удлинение сроков обучения, рост его массовости, удорожание технических средств обучения) и его недостаточной социальной эффективностью, а также между формальным, техническим обучением, в ходе которого человек обладает некоей суммой знаний, и формированием культурной, творческой и социальной личности [9].

В настоящее время делаются попытки разработать концептуальную базу такой системы образования, которая бы соответствовала духу нашего времени, выражающемуся в стремлении человечества к глобальному религиозно-мировоззренческому и научно-философскому синтезу.

Понятно, что каждая попытка разработать “новую” концепцию образования должна встречаться с пониманием и включаться в общий контекст педагогического поиска новых образовательных смыслов. То есть, толерантность к новым педагогическим идеям является сейчас весьма насущной. Предлагаемая нами “новая” концепция образования, возможно, не является оригинальной в том смысле, что она не открывает ничего нового. Однако она позволяет расставить многие “точки над i”, недвусмысленно заявить об истинных приоритетах образования, воспитания и обучения, а также совершенно конкретно очертить способы достижения “новых” образовательных целей.

Концептуально любая система образования строится на основе двух аспектов – цели образования и путей ее достижения. Если за цель образования принять воспитание гармоничной личности, то здесь можно анализировать две проблемы: проблему определения гармонического состояния личности, и проблему формирования этого состояния.

Гармония с широкой философской и психологической точки зрения – это, прежде всего, целостность, то есть синтез всех психофизиологических составляющих человека, единство физического и психического, состояние, которое объединяет мысли и действия их носителей, а также интегрирует в себе все многочисленные дихотомии нашего существования, такие, как моральное и фактологическое, аффект и интеллект, чувства и мысли, внутреннее и внешнее, индивидуально-личностное и социально-историческое. Гармонию можно понимать не только как цель динамики (онто- и филогенетической эволюции), но и статики (системы) человека. Если полагать человека системным образованием, то в отношении системы можно, опираясь на представления Б.Ф. Ломова [10, с. 224], сказать, что система – это объект с таким набором элементов, функций и связей, которые актуализируются ради одной цели, полагающейся перед системой как целостным образованием. Гармония как принцип целостности является той категорией (понятием, состоянием), которое в наиболее обобщенном виде выражает не только цель, но условие, а также истоки любого существования.

Известно, что состояние гармонии человека как нечто целостное обнаруживается в пределах такого явления, которое, во-первых, служит системоформирующим фактором для человека как целостной системы, и во-вторых, выполняет роль главного регулятора нашего поведения. Есть все основания утверждать, что такой регулятор актуализируется на базе функций полушарий головного мозга человека, о чем еще в 60 годы XX столетия писал Б.Г. Ананьев и что сейчас трудно оспорить. Как свидетельствуют исследования, полушария можно рассматривать психофизиологическим фокусом человеческого организма, поскольку с их функциями прямо или косвенно связаны такие стороны человеческого существа, как механизмы целеположения и поиска (выбора) способов достижения цели [2], энергетическая и информационная регуляция поведения, эмпатия и рефлексия, экстраверсия и интроверсия, произвольная и непроизвольная сферы психической деятельности, первая и вторая сигнальные системы, сила и слабость нервных процессов, их лабильность и инертность, возбуждение и торможение, Я и не-Я, эрготропные и трофотропные функции организма, симпатическая и парасимпатическая ветви вегетативной нервной системы и т.д. [7, с. 44–53, 138].

Нужно отметить, что в онто- и филогенезе живого существа наблюдается постепенное нарастание полушарной асимметрии, наибольшее выражение которой достигается в зрелом возрасте. Потом полушарная асимметрия постепенно нивелируется. Обнаруживается состояние функционального синтеза полушарий, когда пожилой человек, обогащенный жизненным опытом, по сути превращается в ребенка с его пла-

стической психикой и непосредственностью восприятия мира. Можно сказать, что развитие человека идет от правополушарного аспекта психики (у младенца оба полушария функционируют как единое целое в основном по принципу правого полушария) к левополушарному, а от него – к полушарному синтезу. Если принять к сведению, что правое полушарие функционирует в настоящем времени с обращенностью к прошлому, а левое – в настоящем времени с обращенностью к будущему [6, с. 140], то можно утверждать, что развитие человека естественным образом идет от прошлого к будущему, а от него – к синтезу прошлого и будущего, когда пространственно-временная дихотомия бытия нивелируется и человек освобождается от извечно довлеющего над ним “проклятия Кроноса”. Данная эволюционная парадигма универсальна, ибо она выражает общее правило движения как формы бытия материи, которое реализуется как процесс смены дискретности и континуальности в развитии тех или иных предметов и явлений.

Мы видим, что существует, как полагает Ю.А. Урманцев, три типа постижения бытия человеком [14]: чувственный (то есть правополушарный), рациональный (то есть левополушарный) и медитативный. Интересно, что, как свидетельствуют энцефалографические исследования, медитативное состояние проистекает из функционального синтеза, гармонии полушарий, когда их работа в психофизическом смысле согласуется [17]. Можно сделать вывод, что развитие человека проходит от чувственной формы к рациональной, а от нее – к медитативной форме постижения мира и его освоения. Становятся понятными цели образования способы их достижения. Прежде всего понятно то, что состояние полушарной гармонии предполагает достаточный уровень развития обоих полушарий мозга. Сегодня школа пока еще в большей мере опирается на развитие аналитично-дискурсивного левополушарного миропонимания, хотя и признается факт некоторой недооценки значения эмоционально-образных механизмов в процессе обучения [13], а эксперименты убеждают, что активизация правополушарных функций обеспечивает соответствующий значительный стимул для развития левополушарной составляющей психической деятельности [18]. Вот почему важным есть признание новой парадигмы образования, которая бы обеспечила структурное и процессуальное единство чувственно-эмпирической и абстрактно-теоретической сфер, тенденций развития личности. При таком развитии особенное внимание следует уделять актуализации именно правополушарного аспекта человека. Принцип непрерывности психической деятельности предполагает единство полушарных стратегий обработки информации как в плане синхронического, так и диахронического анализа эволюции человека. Поэтому правополушарный “базовый” аспект психики, развитие наглядно-образного мышления, способности к эмпирическим обобщениям у ребенка имеют краеугольное значение в жизни взрослого человека и не есть временным этапом, который необходимо пройти как можно быстрее, чтобы “заменить” его вербальным логичным мышлением. Дело в том, что этот тип мышления “вырастает” из многозначного метафорического правополу-

шарного освоения действительности. При этом, как показывает холистическая парадигма образования, базирующаяся на концепции функциональной асимметрии полушарий, целью развития человека есть достижение синтеза право- и левополушарных аспектов психики, когда такие полярные категории, которые вытекают из функциональной природы полушарий, как образ и идея, предмет и знак, чувство и мысль, единое и множественное сливаются, формируя основу для интуитивно-медитативного, эвристического, понимающего отражения действительности, в процессе чего конкретное и абстрактное, экспрессивное и логическое, сливаются воедино, порождая феномен подлинного, истинного бытия, а человек предстает как гармоническое, духовное существо.

Итак, холистическая концепция образования (эвристической идеей которой выступает формулировка психофизиологического и социальное личностного содержания цели психолого-педагогического воздействия в рамках образовательного процесса и теоретическое обоснование путей достижения состояния гармонии человека, являющейся этой целью) основывается на разработке путей достижения состояния функционального согласования полушарий, что реализует на научно-практическом уровне то, что делается многими педагогами на интуитивном уровне и пока еще не осознается как теоретическая реальность. Тут можно привести педагогическую систему В. Ф. Шаталова [16], который, как мы уже писали, фактически использует принцип полушарного синтеза, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны, ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой, – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями. Школьники при этом учатся целеустремленно и регулярно манипулировать одновременно двумя противоположными друг по отношению к другу рядами реалий нашей жизни, осуществляя их взаимную трансформацию, когда конкретное понимается через абстрактное, а абстрактное – через конкретное. Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству левополушарной и правополушарной сторон психической активности способствует выработке установки на “интегральную” психическую активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность.

Следует заметить, что система В. Ф. Шаталова активизирует не только чисто абстрактно-логический (левополушарный), но эмоционально-образный (потребностно-мотивационный, правополушарный) аспекты психики, когда при развитии абстрактно-аналитическом компоненте психической деятельности у детей активизируется и мотивационный компонент такой деятельности (учеба, подобно игре, становится самоцелью, превращается в самоценный, самодостаточный феномен), и, что самое удивительное, все дети при этом начинают рисовать [16, с. 122]. Актуализация одновременно правого и левого “аспектов” человека недвусмысленно свидетельствует о высокоразвитой интегрально-творческой форме психической активности, предполагающей единство

логического и экспрессивного начал личности, которые в обычном состоянии представлены как конкурирующие и тормозящие друг друга.

Полушарный синтез предполагает с одной стороны наполнение абстрактным содержанием наших чувств, их рационализацию и контроль чувств, а с другой – предполагает синергетическое перепрофилирование абстрактно-логического мышления человека, которое в данном случае перестает функционировать в режиме сутобо однозначного отражения окружающего мира. Человеческое существо при этом превращается в открытую гармоническую систему, способную усваивать огромные массивы информации, воспринимать мир не критически, с полным доверием. Синергия абстрактно-теоретических схем приводит к абсолютному теоретическому согласованию наших знаний о мире, который при этом перестает восприниматься как нечто неопределенное. Характерными особенностями такого гармонического существа становятся толерантность и фундаментальный оптимизм, обусловленные открытостью к миру и спонтанностью поведения, вытекающего из медитативного, творческого состояния, в котором гармонический человек пребывает практически постоянно.

Нужно сказать, что в педагогическом плане медитативному состоянию (как способности к целостному охвату действительности и к огромной концентрации внимания, как возможности разрушения грани, отделяющей человека и мир, "Я" и не-"Я") соответствуют многие принципы, изложенные Я.А. Береговым [5]. Это принцип "погружения", когда класс в течение продолжительного времени изучает один и тот же предмет "до полного его освоения". Это также принцип "укрупнения дидактических единиц", который призван создать заслон против традиционного мелкотемья в разбивке школьных предметов, против "постоянного безудержно-безумного (если не безумного) увеличения школьно-учебного материала, новых и новых учебных дисциплин, все большей их детализации и усложнения". Это и принцип "коллективного руководимого самообразования", в рамках которого достигается синергетическая спаянность членов ученического коллектива, что способствует творчеству как феномену целостности, в результате чего создается нечто принципиально новое, что вытекает из основного принципа синергетики, науки об открытых (нелинейных, целостных) системах и принципах их самодвижения: свойства целого не сводятся к сумме свойств элементов, составляющих это целое.

Принцип полушарного синтеза как предпосылка для развития гармонической личности в плане воспитания предполагает формирование понимания парадоксальной диалектики мира, понимания слитности полярных нравственных качеств личности, осознание того, что человек – это цельная сущность, носитель целостного континуума нравственно-маркированных свойств, пороки и добродетели в котором есть лишь "полюса" морального магнита, способного менять свои знаки и обнаруживать бездну моральных потенциалов, при этом все нравственные качества человека оказываются равнозначными "ресурсами" психики, необходимыми ему для эволюции.

Итак, одной из задач новой парадигмы образования является построение “алгоритмов” формирования парадоксального (диалектического) мышления, выступающего в роли как психотерапевтического, так и психолого-педагогического фактора, воздействующего на развивающуюся личность. Необходимо развить “синергетический подход к образованию”, который может быть охарактеризован как гештальтообразование: “процедура обучения, способ связи обучаемого и обучающего, ученика и учителя – это не перекалывание знаний из одной головы в другую, не вещание, просвещение и преподнесение готовых истин. Это – нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, солидаристического образовательного приключения, попадания (в результате разрешения проблемных ситуаций) в один самосогласованный темпомир. Это – ситуация пробуждения собственных сил и способностей обучающегося, инициирование его на один из собственных путей развития. Гештальтообразование – это стимулирующее, или пробуждающее, образование, открытие себя или сотрудничество с самим собой и другими людьми” [8, с. 73]. Нужно сказать и то, что полушарный синтез позволяет достичь единства двух противоположных поведенческих стратегий человека – пассивной и активной, что в системе “синергетического образования” приобретает следующий вид: “Не субъект дает рецепты и управляет нелинейной ситуацией, а сама нелинейная ситуация, будь-то природная, ситуация общения с другим человеком или с самим собой, как-то разрешается и в том числе строит самого субъекта” [8, с. 71].

Итак, нелинейное, творческое отношение к миру, таким образом, означает открытие возможности сделать себя творимым – “позволить нелинейной ситуации или другому человеку влиять на себя” [8, с. 71]. “Синергетика” образования является базой творческого мышления. “Погружение в синергетику и намерение ее использовать как “позитивную эвристику” связано, стало быть, с развитием игрового сознания. Синергетически мыслящий человек – это *homo ludens*, человек играющий. Синергетика выступает в таком случае как некий тип интеллектуальной йоги. Давая рецепты овладения сложным, она разрушает сам “рецепт”, сам прежний способ рецептообразования. Она все делает гибким, нежестким, открытым, многозначным. Синергетическое действие – это действие исподволь, исходя из собственных форм образования, собственных сил, потенциалов. Это стимулирующее действие” [8]. Удивительно, что данная декларация принципов “синергетического” образования во многом совпадает с принципами самоактуализации в рамках гуманистической педагогики. При этом синергетический подход к образованию и самому человеку это, прежде всего, холистический подход, “возвращение к самому себе” [4; 12].

Литература:

1. Амонашвили Ш. А. Основания педагогики сотрудничества // Новое педагогическое мышление. – М.: Педагогика, 1989. – С. 145-176.
2. Ананьев Б. Г. Билатеральное регулирование как механизм поведения // Вопросы психологии. – 1963. – № 5. – С. 84-96.

3. Анохин П. К. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
4. Аршинов В., Малый А., Попов П. Медицина в контексте синергетического познания // Московский Синергетический Форум. Январская (1996) встреча. “Устойчивое развитие в изменяющемся мире”. 27–31 января 1996. Тезисы / Под ред. В.И. Аршинова, Е.Н. Князевой. М., 1996. – С. 31–32.
5. Береговой Я. А. Классно-урочная система или как учиться и учить? // Педагогика толерантности. – 1997. – № 1–2. – С. 34–78.
6. Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. – М.: Медицина, 1988. – 288 с.
7. Годубева Е. А. Индивидуальные особенности памяти человека. – М.: Педагогика, 1980. – 151 с.
8. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 62–79.
9. Кон И. С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 471–483.
10. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 456 с.
11. Лукьянец В. С. Постмодернистское мышление – мышление XXI века? // Totallogy. Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України, 1996. – С. 239–257.
12. Поклитар Е. А., Штеренгерц А. Е. Сенсуализм Коменского в контексте современного учения в взаимоопотенцирующем синергизме сознания и бессознательного // Коменський і педагогічна сучасність (Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції). – Одеса, 1992. – С. 184–186.
13. Степашин Б. Навчання не самоціль, а розвиток і виховання. Головні проблеми сучасної української школи // Рідна школа. – 1997. – № 3–4. – С. 40–44.
14. Урманцев Ю. А. О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 89–105.
15. Формирование учебной деятельности студентов (под ред. В. Я. Ляудис). – М.: Изд. МГУ, 1989. – 240 с.
16. Шаталов В. Ф. Эксперимент продолжается. – М.: Педагогика, 1989. – 336 с.
17. Murphy M., Dobovan S. Contemporary meditation research. – San Francisco, Esalen Institute Press, 1985. – P. 34–40.
18. Russel P. The Brain Book. – N. Y.: Penguin Books, 1979. – P. 55.

Научное издание

Вознюк Александр Васильевич

**Синергетические основания
в системе философский знаний**

Житомир, 2007

Редактор Вознюк А.В.
Корректор Вознюк В.В.
Компьютерный набор и верстка Собкович С.К.
Макетирование Собкович С.К.
Дизайн обложки Скачков Д.В.

Подписано к печати 27.08.2007. Формат 60x84/8. Бумага
офсетная. Усл. печ. л. 10,6. Тираж 100. Зак.